

Орлова Е.

Держи меня крепче...

Иногда пути считаются забытыми, но это обман...

18+

Евгения Орлова
Держи меня крепче...

«Автор»

2019

Орлова Е.

Держи меня крепче... / Е. Орлова — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-08628-9

Что если забывая о себе все, мы обретаем свое истинное лицо? И как потом жить с новым собой, вспоминая прошлое? Доктор Вольф Баухоффер думал, что изобрел уникальную технологию борьбы с депрессией, но так ли безопасна его программа? Один из тестеров, Эрика Майер, признается ему, что начала вспоминать чужую жизнь. И ответ на эту загадку может скрываться в самом неожиданном месте. В программе... Или в работе мозга, перенесшего процесс стирания памяти. Или глубоко в лесу, что хранит в себе замершее время и потерянный для людей дом. Эрика отправляется искать.

ISBN 978-5-532-08628-9

© Орлова Е., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Доктор Вольф	5
Эрика Майер	9
Доктор Вольф	15
Люк Вайс	21
Эрика Майер	27
Люк Вайс	31
Дени Курт	35
Август Принс	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Евгения Орлова

Держи меня крепче...

Доктор Вольф

Одна моя пациентка, которая долго не хотела взрослеть и от того разучилась спокойно ходить по улицам в одиночестве, вела дневник. И когда нам пришла пора прощаться, она подарила его мне. Там было много глупостей, истерик, слезливых историй из прошлого. Но одна запись все же умудрилась пробраться в мое сознание, прижиться там и даже пустить корни. И вот теперь, когда я волнуюсь или просто ощущаю себя неудобно, в моей голове сами собой всплывают ее слова, написанные каллиграфическим, очень старательным подчерком:

«Когда нам исполняется пять лет, мир нас одаривает суперспособностью видеть чудовищ. И мы невольно засматриваемся на них, притаившихся в причудливых изгибах кряжистых, будто трижды перевязанных узлом деревьев. Угадываем в полуобсыпавшейся кирпичной кладке на боку старого нахохлившегося дома. Отыскиваем в луже, среди зыбких призраков почерневших отраженных деревьев... Да и в сотнях других мест, типа лесной опушки или детской песочницы с ржавым гулким грибом-крышей, который вот-вот скособоится окончательно и придет в негодность. Он больше не будет защитником от дождя и солнца, но переродится в прекрасный щит, за которым можно прятаться, играя в снежки.

Взрослые тянут нас за руки от чудищ, и нам кажется, что это несправедливо: не дать нам дослушать истории странствий, что те шепчут нам голосами-оборотнями. Звучать это может и как порыв ветра..., и как гудок торопящейся повернуть на перекрестке машины. Быть прикосновением холодных, плюхающихся на лицо капель дождя и дыханием спящей на наших коленях, седеющей, но все еще очень зубастой собаки.

Правда состоит в том, что взрослые чудовищ не видят. Они о них забывают. Не сразу, конечно. Но текущий сквозь них мир выгрызает из их реальности с корнем и завязанные узлами деревья, и заброшенные бомжатники крошащихся домов, и уж тем более жутковатого вида песочницы, которые все дворовые кошки считали лучшим местом для раздумий определенного характера. Вода времени проносится сквозь нас неспешным, но неизменным потоком, меняя острые яркие сверкающие грани на гладкий равнодушный покой. И со временем взгляд пытается зацепиться за пейзаж, но видит лишь пыль, что покрывает окружающие поверхности...»

– Вольф, ты в порядке?

Голос Мары звучит как теплая утренняя морская волна. Моргаю. Передо мной выдвинутая полка комода, где на бархатной, словно украденной из ювелирного салона вишневой подушечке лежит целый ряд парадных запонок.

– Да, дорогая, – улыбаюсь ей, не поворачивая головы. – Просто не могу выбрать какие надеть...

– Может, третьи слева?

– Я был в них в прошлый раз...

– Тогда... бери любые... – округло усмехается она, и по секундной паузе я понимаю, что она красит губы. – Ты ж не девушка, в конце концов, чтобы полчаса пялиться на цапки, надеясь, что сделанный выбор поможет тебе продать себя подороже...

– Я тебя обожаю... – искренне усмехаюсь и, взяв третьи слева, поворачиваюсь к жене. Мара неторопливо закручивает золотистый футляр и ставит его на подзеркальник к двум другим таким же. Ее тридцатидевятилетнее лицо уже утратило девичью дерзость подтянутых линий, налилось светлой мягкостью и неожиданно стало нежным и красивым. В безжалостном

свете каких-то хитрых ламп, окружающих трюмо, ее темные гладко зачесанные в сложный, тяжелый узел волосы будто сияют изнутри. Чуть откинута голова на длинной белой шее напоминает мне скульптуры женщин на носу корабля. Светлые глаза Мары неизменно насмешничают, разглядывая меня в отражении своего зеркала.

– Завязать тебе галстук? – она небрежно перебирает кончиками пальцев крышечки флаконов духов. В свое время я на правах психотерапевта ответственно заявил ей, что каждому создаваемому образу должен быть присущ определенный запах, иначе картина будет неполной. И с тех пор моя драгоценная, во всех смыслах, жена неустанно собирает собственную коллекцию ароматов. Мне кажется, что скоро в моем доме появится отдельная комната под эти бесконечные флакончики, пробники и крохотные бутылочки, содержимое которых я практически не могу различить. Для меня почти все ее благоухающие радости пахнут простым мылом.

– А мы точно должны ехать? – тоскливо интересуюсь я, представляя, что весь вечер придется зубоскалить с обалдевшими от собственных возможностей денежными мешками, невольно борясь с постоянной легкой тошнотой, которую у меня всегда вызывает плотно прилегающая к шее одежда.

– Вольф... – Мара перестает перебирать свои флакончики и несколько напряженно поднимается на ноги, в своем закрытом черном, обтягивающим лиф и руки платье с длинной юбкой и высоким разрезом она выглядит очень хрупкой и изысканной. – Не начинай, пожалуйста. Это твой праздник. Ваша программа «Z3X84» получила оглушительный успех и набирает обороты. Участвующие в ней люди избавляются от проблем, с которыми раньше приходилось бороться годами. Ваш институт доказал свою правоту. И да, вам нужно увеличить финансирование, иначе все так и останется на уровне экспериментальных разработок...

– Ладно-ладно... – поднимаю руки в примирительном жесте, и она ловко поправляет мне плохо застегнутую запонку на левой манжете, сухо щелкнув ее неповоротливым золотым суставчиком, и берется за концы висящего на шее галстука. – Я просто хотел предложить остаться и заняться чем-нибудь более интересным...

Под моими пальцами скользит горячая плотная ткань ее платья, мышцы ее спины откликаются на мой порыв, наливаясь силой, делая невидимую мне сейчас ложбинку позвоночника до мурашек соблазнительной.

– Вольф! – она со смехом шлепает меня по руке, но промахивается, отчего хихикать мы принимаемся уже вместе. – Иди уже в машину, нас водитель заждался. И приглашения не забудь!

– Я их положил в твою сумочку, – целую ее невесомо в висок, направляясь к выходу из комнаты. – Вместо твоих сигарет, кстати, и вульгарного мундштука...

– Эй! Так нечестно!

– Зато для здоровья полезно...

– Ага... Сказал курильщик с тридцатилетним стажем... – Мара легко подхватывает висящую на спинке стула переливающуюся блеском сумочку и, негромко цокая каблуками, устремляется вслед за мной.

Вечер пятницы похож на насекомое, пытающееся переплыть вязкую лужицу меда. Все вокруг яркое, сверкает, улицы полны веселых людей, но все вместе это еле движется из-за запруженности улиц. Вот и мы стоим в пробке. Мара, чтобы себя занять, забралась в мой карман с карточками речи, и теперь что-то сосредоточенно подправляет в них огрызком карандаша, мягкий грифель которого наводит меня на мысль, что он скорее всего имеет некое косметическое назначение.

– Тебе не нравится моя речь? – вопросительно поглаживаю ее открытое разрезом колено. Под пальцами мягким лоснящимся бугорком прокатывается короткий, широкий шрам. Лет пять назад, на невероятно скучном барбекю у новых соседей, Мара споткнулась о валявшийся в траве детский пластмассовый бластер и приложила коленом к раскаленной жаровне. Как

раз вовремя, надо сказать. Все тут же вспомнили про жарящееся мясо и успели снять его с решетки в тот момент, когда оно начало подгорать..

– М-м-м... Ну вот послушай... – она прикладывает короткий карандаш к алым губам, – «Программа «Z3X84» изначально задумывалась как эксперимент, предназначенный для людей, страдающих приобретенными фобиями и депрессиями разнообразной этиологии, призванный помочь им справиться с их ментальными и психологическими проблемами путем избавления от воспоминаний о травмирующем факторе, приведшем к появлению у них данных расстройств...»

– И что тебе не нравится?

– На мероприятии будет около трехсот человек. Я имею в виду приглашенных гостей. Из них двадцать как раз ученые и врачи, которые, собственно, и создали эту программу и произвели этот эксперимент... Ну еще можно предположить, что человек тридцать-сорок каким-то отдаленным образом причастные, в некоторой степени, к медицине и психиатрии. Итого человек пятьдесят, в крайнем случае шестьдесят тебя поймут и заинтересуются с первого предложения... А остальные умрут со скуки на середине этой фразы, ничего не поняв, и отправятся дальше пить шампанское и лопать контрабандную икру на халяву. – Мара сосредоточенно морщит нос. – Это светское мероприятие для спонсоров, дорогой, а не научный совет. Тут нужны слова попроще...

– Ты предлагаешь мне просто выйти и сказать, что мы решили посмотреть, что получится, если у относительно здорового человека, имеющего некоторые проблемы с самоопределением, страхами или травмирующими событиями в прошлом стереть всю память о нем самом. Поместить его в искусственно сформированное из ему подобных общество и дать ему возможность развивать отношения с людьми, собственные увлечения с нуля, учиться или работать в любой существующей ныне сфере. А потом вернуть ему изначальную память и посмотреть, что изменилось в нем самом?

– Ну-ну, продолжай... мне уже интересно... – жена разворачивается ко мне всем телом, прижимая мои исчерканные карточки к груди.

– Ушли ли депрессии, фобии, панические атаки, улучшилось ли самосознание...

– И что последующее ежемесячное тестирование подопытных показало?

– За три последующих года у 80% подопытных наблюдаются положительные изменения их состояния... – усмехаюсь я, бросая взгляд в окно и понимая, что за последние четыре минуты мы не сдвинулись ни на метр.

Все так же стоим перед большим, украшенным синими и красными огоньками окном кофейни с кучей уютных кресел и диванчиков внутри. Народу в ней до странного немного, хотя я точно знаю, что это место модное и недорогое, а уж кофе они готовят ну просто восхитительный. И тут в глубине зала я замечаю до боли знакомый безразмерный зеленый жилет с белым значком в виде схематичного открытого глаза в чуть сплюснутом овале.

Такие раздают тестерам, завершившим программу «Z3X84», вернувшим себе память и влившимся обратно в привычную жизнь мира. Нужно это для того, чтобы, во-первых, к ним относились с пониманием в общественных местах. Ведь за полтора года, что они проводят в программе в изолированном мирке, реальность не стоит на месте. И для обратной адаптации нужно время.

Во-вторых, положение тестера научных программ дает довольно ощутимые льготы и привилегии. Ну и в-третьих, наконец, в жилет вшит дополнительный датчик о местоположении тестера, помимо прочего содержащий всю медицинскую информацию о нем. У них, конечно, есть практически неснимаемые браслеты, дублирующие в себе все те же данные и отслеживающие их состояние, но лучше перестраховаться. Да и тестерам почему-то эти безразмерные уродливые тряпки нравятся. Они их даже зимой поверх пуховиков и пальто носят. Мои подопечные, за которыми я наблюдаю уже почти два года, я имею в виду время после возвращения

им памяти, (полгода тщательного отбора перед допуском к эксперименту, да и полтора года внутри него я не считаю) признаются, что при виде на ком-то такого жилета они испытывают радость и желание подружиться. Ну или хотя бы просто угостить выпивкой.

Невольно напрягаю зрение, стараясь рассмотреть кто же там сидит, как вдруг девушка в зеленом жилете встряхивает темными кудрявыми волосами, поднятыми в конский хвост, сбрасывает обувь и боком разваливается с книгой в кресле, подтянув под себя босую ногу и свесив с мягкого подлокотника вторую в изношенном ботинке. И я ее тут же узнаю, с легкой щекоткой под ложечкой. Эрика Майер собственной персоной в ожидании своего любимого двойного эспрессо с карамельным сиропом. Этакий ящик Пандоры нашего эксперимента, который я по началу ошибочно принял за дешевую китайскую музыкальную шкатулку с распродажи на блошином рынке... Она не была уникальной. Таких как она набралось человек восемь на сотню первых испытуемых. Но с ней одной мне реально хотелось дружить и продолжать общаться не в рамках исследований... Просто хотя бы из любопытства: куда этот генератор случайных собственных возможностей занесет в следующую секунду...

Неожиданно Эрика вместе с креслом начинает сдвигаться вправо, и я не сразу понимаю, что на самом деле мы поехали, и пробка рассосалась.

Мара говорит, непривычно жестикулируя, о том, как стоит построить свой доклад и сделать акценты, но я, к своему стыду, совсем ее не слушаю. В моей голове лишь мысль о том, что придется ограничиться всего парой бокалов шампанского, чтобы завтра с утра встать со свежей головой и отправиться на работу. По идее будет выходной, но я слишком хорошо знаю Эрику. И раз она в городе, то завтра в 11 утра будет терпеливо сидеть под дверью моего кабинета, ожидая приглашения на ежемесячный отчет. Она никогда не приходит в назначенный день... Но, поклявшись отчитываться раз в месяц, не нарушает обещанного.

Эрика Майер

В такие вечера как этот я чувствую себя улиткой-марафонцем. Рюкзак так натер плечи своей тяжестью и неудобными лямками, что, зайдя в привычно тренькнувшую дверь кофейню, я просто сваливаю его со спины на пол и тремя мягкими пинками подгоняю к барной стойке.

– Одичавшего скomorоха вызывали? – плюхаюсь локтями на полированную столешницу в ответ на приветственный возглас Майлза.

– Mamочки... – нескладный, похожий на скomканнй зонтик, немного пучеглазый бариста окидывает меня восхищенным взглядом, от которого становится смешно. – Откуда ты, путник?

– Из леса, вестимо... – фыркаю я, борясь с отчаянным желанием почесать давно немытую горячей водой голову. – Десять дней в чаще провела. Рельеф сверяла. Растения и насекомых описывала.

– И как? Что-то интересное было? – бариста вытирает руки пушистым розовым полотенцем и вешает его на крючок под стойку.

– А то... – закрываю глаза и веду ноющими плечами, стараясь сбросить напряжение. – То, что дрон распознал как лужу, оказалось нехилым таким озером метров сорок в длину и больше сотни в глубину... У меня просто эхолот со всеми радиоусилителями только до ста метров прошупать дно может. И он его не считал.

– Ничего себе... И какие теперь планы? – Майлз так вытаращивает глаза, что мне становится неприятно смотреть на его миловидное от природы лицо с россыпью мелких шрамов от давно сошедших подростковых прыщей.

– А так как этот участок в пять квадратных километров закреплен за мной, то ползать я по нему могу спокойно пока снег не ляжет. Это еще месяца два, два с половиной. Так что сейчас я сдала биологам привезенные образцы в размере еще одного такого же рюкзака как этот. Они меня прямо с поезда сняли, едва не уволокли не тот рюкзак. Но вряд ли им нужны мои нестиранные трусы с носками и остаток заплесневевших сухарей, которые я забыла выкинуть, и с радостными воплями исчезли в направлении лабораторий...

– А зачем им образцы новые понадобились? Ты же говорила, что по сути лес Хлони исследован вдоль и поперек всеми кому не лень...

– Ага... только они два года на снимках дрона видели лужу, и как-то никого не смутило, что она все время в одном и том же месте и не меняет форму, хотя регулярно освещается солнцем, и, по идее, должна как-то высыхать... А еще десять лет назад там был лишь крохотный овражек глубиной четверть метра, хорошо если. Я эти снимки случайно увидела. Зброшенный участок. Никто его постоянно не исследует, потому что в обычном буреломе ничего интересного зачастую нет. Там устоявшаяся экосистема. Вот я и предложила проверить, может эта лужа не такая уж простая и смогла что-то изменить в этом законсервированном царстве...

Вздыхаю. В кофейне так головкружительно пахнет кофе, что я, недавно поужинавшая в вагоне-ресторане, чувствую приятную пустоту в желудке.

– Я новичок. Таким обычно поручают что-то несложное. Так что, когда я попросилась залезть в Хлони посмотреть на лужу, а не как остальные начинающие картографы на вновь возникшие необитаемые острова или океаническое дно после извержения подводного вулкана, ректор исследовательского центра от счастья чуть из штанов не выпрыгнул и закрепил участок за мной со словами: «И попрактикуешься, и ничего не испортишь, все равно в эти курмыши ни один вмменяемый картограф лезть не хочет. Там ни связи нормальной, да и не происходит ничего...» Зато, когда я добралась до места и увидела масштаб перемен... и связалась с ректором... и показала ему, что нарыла...

– Представляю себе, что началось... – фыркает Майлз, качая головой.

– Не представляешь... – смеюсь, ощущая, что плечи, наконец, начинают утихать, и шея уже не горит от напряжения, и от этого становится легче стоять на гудящих ногах. – Картографы с ученой степенью устроили реальную драку за право исследования участка. Доктор наук Уиллс поставил фингал кандидату наук Элизабет Куини за то, что она его обозвала жирным боровом, который не сможет протиснуться там сквозь бурелом, напорется брюхом на острую ветку и породит там новую популяцию муравьев, а так же мясных мух и прочих хищников, падких на жирное воняющее мясо...

– Фу... – Майлз с хохотом мотает головой, морща нос и тонкие губы.

– Но драка прошла впустую. Ректор сказал, что я первая получила право на участок, который никого не интересовал последние лет восемь. И имею полное право разрабатывать его все последующие пять лет. Тем более, что квалификация мне это позволяет. А остальные могут ко мне присоединиться только в качестве помощников при моей непосредственной просьбе об этом.

– Вот это верно! – бариста одобрительно кивает, доставая из сушилки небольшую чашку. – Не все ж тебе на подпевках бегать у больших ученых. Тебе как обычно? Двойной эспрессо? И карамельный сироп?

– Ну при учете, что я только год как обучение завершила и приступила к работе, для меня бегать помощником по земле – большое счастье. Да и не люблю я сидеть в кабинете и писать с умным видом бумажки. Я этим в прошлой жизни назанималась до тошноты... – двумя пальцами дергаю лацкан своего зеленого жилета с нарисованным на нем вечно бодрствующим оком. – Так что...

– Ну, некоторые привычки у тебя не изменились... например гастрономические пристрастия...

– Это да... – киваю, барабанив пальцами по темной столешнице барной стойки. На ней остаются отпечатки, и полированная поверхность глотает их как кофейный пар, полный воспоминаний о том, как росли и зрели эти самые горькие зерна... – Майлз?

– Что?

– Удиви меня, а?

Он на пару секунд останавливается, задумчиво глядя на меня своими влажными выкаченными глазами.

– Ладно... – он убирает чашку на место и достает другую... большую, уютно пузатую, которую хочется держать обеими руками. – А что мне за это будет?

– Хм... – поджимаю губы... – история? Нет? Неинтересно? Может подарок?

– Сделанный своими руками тогда.... Иди, садись уже... На ногах же еле держишься...

– Что есть, то есть... – отлипаю от барной стойки и плетусь к креслам. – Ты, кстати, планшет мне не одолжишь? Хочу доставку продуктов заказать.

– Держи. И заказывай прямо сюда. Все равно пока они доставят, будет пора закрываться. Я тебя провожу до дома.

– Так не терпится распаковать свой подарок? – усмехаюсь, забирая у него включенный планшет. На экране на паузе стоит какая-то игра типа сбора шариков в одну линию. – Имей в виду, я...

Дыхание спотыкается на выдохе, окрашивая действительность неестественно яркими красками. Звуки проскальзывают через испорченный динамик старого приемника, кое-где наращивая объем, а где-то теряя его вовсе. Реальность рассыпается прошлогодней скорлупой опустевшего яйца, и я вижу...

Саламандра пылает в огне, порой лениво ведя умными глазами и показывая острый темный язык из приоткрытой пасти клиновидной головы. На самом деле огонь не вокруг нее, просто она стоит на столе перед пиалой, в которой порхает жидкий свет. Мои пальцы тянутся к ее

лапкам, и на ощупь они трепетные и холодные... Она охотно карабкается на мою ладонь, что явно теплее поверхности шершавого деревянного стола.

– Как ты можешь это трогать? – голос полон истерических смешливых нот, будто касается уха, заставляя его краснеть и прислушиваться... – Она же противная...

– Глупости... она прекрасна...

Саламандра кончиком языка очерчивает линии татуировки на предплечье. И мне кажется, что мой скоморох едва не вертится от щекотки. Холодные роговые пальчики на лапках чуть сильнее сдавливают кожу пытаюсь утвердиться на новом месте.

– Я с тобой больше в южные страны не поеду....

– Готово. Пробуй... – картинка разбивается голосом Майлза, будто выпущенным из пращи камнем, и бесшумно осыпается искристыми осколками в моей голове, оставляя после себя подступающую тошноту и сбитое дыхание... – Эй, ты чего такая серая? Все в порядке?

– Да... – громко откашливаюсь, с трудом сглатывая несколько раз. У меня трясутся руки, и я осторожно откладываю планшет на столик, чтобы случайно не разбить. – Спасибо за кофе...

Майлз сверлит меня подозрениями, но ничего не говорит... Я смотрю на свои чистые предплечья и постепенно восстанавливаю дыхание.

– Майлз, мы ведь с тобой с детства дружим, да? – игриво улыбаюсь ему, чувствуя, как искристые осколки в моей памяти тают бесследно, оставляя только желание уютно ежиться и пить.

– Ага... с десяти лет... – он усаживается напротив и поглаживает мои успокоившиеся ладони. – А что? У тебя какие-то проблемы с памятью? Когда тебе к доктору Вольфу на отчет идти?

– Все у меня в порядке, не переживай, – делаю голос ласковым, и его плечи расслабленно опускаются, позволяя ему чуть ссутулиться спине. – Завтра к нему иду. Я просто хотела уточнить один момент. У меня ведь никогда никаких татуировок не было, правильно?

Майлз молчит почти минуту, явно пытаюсь что-то прочесть в моем лице... Но даже доктор Вольф говорит, что это занятие бесполезное, потому что у меня взгляд внутрь себя повернут, и понять мои эмоции и мысли, когда не слышно голоса и интонаций, совершенно невозможно.

– Правильно, – наконец выдыхает он, и я с улыбкой целую кончики его пальцев, прежде чем сделать первый глоток кофе и понять, что я пью что-то совершенно неземное, полное бережности и заботы...

Я вынырываю из сна одним плавным движением, на секунду задержав дыхание. Невесомость проскальзывает по каждой клетке узнаванием, позволяя мне собраться воедино... Проплакая я чуть поджимает губы, вплетаясь в новую, и, повозившись для порядка, передумывает читать нотации и просто пригревается в обновленных стремительных мыслях и движениях, расплываясь в улыбке.

Когда я пошла на программу, где мне стерли абсолютно все воспоминания из прошлой жизни, то предполагала проснуться испуганной и потерянной. Считала, что мне будет грустно, пока не познакомлюсь с новым окружением. Что стану бояться людей и саму себя и не знать, чего ожидать от себя абсолютно очищенной. Я гадала, будут ли мои действия личными, правильными... Может избавившись от всех сдерживающих факторов вроде воспитания, общепринятых норм морали, я окажусь просто ужасной и непереносимой для других...

Но все, что я ощутила, став чистым листом и открыв впервые глаза в светлой палате с кучей проводов на пальцах и висках, облегчение и покой.

Суетящиеся вокруг люди смотрели на меня с тревогой. Щелкали сухими пальцами у моих ушей, светили фонариком в глаза, просили высовывать язык и повторять скороговорки. Они скребли ручками по планшетам. Переглядывались и шепотом перекрикивались друг с другом, сверяясь с мониторами и постоянно пытаюсь разглядеть что-то в куче цифр, факторов, в моих

сонных эмоциях. Эта стая визгливых перепелок дралась у моей кровати за корм в виде меняющихся данных, которые давали какие-то не такие результаты, которые они хотели бы видеть... Они предлагали варианты, выдвигали теории, нажимали на кнопки вызова коллег, подкручивали колесико капельницы то ускоряя, то замедляя то, что вливалось мне под ключицу, но уже ничто не могло изменить меня. Они прекрасно это знали и не могли остановиться, перестать делать хоть что-то, чтобы приблизить меня к ожидаемой ими реакции на пробуждение адекватного человека без прошлого.

А я смотрела на дождь, ползущий неровными слезами по окну, и слышала, как улыбается неспешно идущее сквозь пространство время. И это было так прекрасно, что я даже слегка огорчилась от того, что не могу взять его за руку и последовать вслед за ним. Дождь же держался за его руку и тихо жаловался на горы, что поцарапали ему его нежное детское округлое брюшко. И вот теперь время ведет его к равнине, подальше от острых пиков и холодных ветров, где на поляне рядом с ручьем растет счастливый семилистный клевер. Его надо приложить к ранке и все сразу заживет...

Я не сразу почувствовала, что меня кто-то взял за руку, и нехотя отвернулась от окна. Рядом со мной на высоком одноногом стуле сидел высокий широкоплечий подкаченный мужчина лет тридцати пяти. Его темные глаза выглядели настороженными, но мягкая тонкогубая улыбка делала его простое лицо очень красивым. Мне понравились его горизонтальные морщинки на лбу и бейджик, на котором подчеркнуто разборчиво было написано Доктор В. Баухоффер.

– Здравствуй...

Когда он говорил, создавалось впечатление, что он кивает всем телом тебе навстречу.

– Меня зовут...

– А я умею читать, – самодовольно перебила я быстрее, чем подумала о том, что, наверное, это не очень вежливо. Впрочем, мысль затухла, не успев вспыхнуть, оставив после себя мерзковатый запах тлеющей плесени. – Это ведь нормально?

– Конечно. Ты помнишь, что участвуешь в программе?

– Нет. Я слышала об этом.

– Хорошо.

Он явно собирался с мыслями.

– Вы красивый... – я вздохнула, подтягивая колени к груди и снова отворачиваясь к окну. Там капли нарисовали мятежное дерево, заслонившее своей кроной извилистую дорогу.

– Кмых... – он явно поперхнулся следующим вопросом. – Спасибо. Ты тоже очень симпатичная молодая девушка.

– М-м-м...

Его слова не вызвали у меня никаких эмоций. Это было неинтересно. А вот то, что крона водяного дерева дотянулась до трещины на оконной раме и вдруг превратилась во что-то непонятное...

– Ты хочешь узнать свое имя?

Я прислушалась к себе. Внутри ничего не дернулось. Наверное, имя, которое мне когда-то дали, мало имело со мной общего...

– Зачем?

– Ты будешь жить в обществе. Ты и сейчас в нем. Людям надо будет к тебе как-то обращаться. Ну и потом, имя помогает нам чувствовать себя полноценными. Зачастую оно влияет на характер...

Было заметно, что мой вопрос его не только удивил, но и позабавил.

– Ты, конечно, можешь придумать себе любое имя, но пока это не произошло... Неужели тебе не интересно как тебя зовут?

– Нет... – улыбаюсь его изумлению, поудобнее закутываясь в махровую простыню, которой меня укрыли на время процедуры стирания памяти. – Ведь мне дали его без моего согласия, когда я еще не родилась или только появилась на свет. Они делали это, не зная меня. Просто захотели, чтобы некий набор букв и звуков обозначал нечто живое в пространстве. Я сама должна понять, как меня зовут...

– Интересная теория...

Доктор В. Баухоффер делает пометку в лежащем на краю моей кровати блокноте.

– Мне нравится ход твоих мыслей, но имей в виду, что это может занять много времени.

– А я не спешу. Какой пароль активации моего браслета?

Поднимаю вверх левую руку, демонстрируя тонкий кусок пластика, плотно обхватившего мое запястье.

– SJ-5692. А что?

– Можете называть меня так, пока я не придумаю. Только без цифр, а то звучать будет словно я робот...

– Договорились... – он закинул ногу на ногу и чуть склонил крупную, коротко стриженную голову влево, – боюсь ошибиться, мне кажется, что у тебя сейчас довольно веселое настроение. Даже несколько игривое. Расскажешь, что ты чувствуешь?

Открываю глаза и поток воспоминаний замолкает сам собой. Небо хмурится невыспавшейся рожей мне в окно, и я не отказываю себе в удовольствии высунуть ему язык. На электронном циферблате часов, живущих на тумбочке рядом с моей кроватью, нервно мигает семь двадцать три утра. О господи, кошмарище какой... Можно же еще спать и спать, и спать... Но раз организм проснулся, значит придется подниматься... Обратное уснуть не получится, хотя я бы не отказалась...

Откидываю руку себе за спину и нащупываю аккуратно застеленную половину кровати. Настроение сразу отрачивает первую парочку цепких ножек и начинает ползти вверх.

За что я особенно люблю Майлза, так это за то, что с ним не надо просыпаться. Ему хватает такта дожидаться момента, когда я усну и исчезнуть из моей квартиры так, чтобы я этого не заметила. И нет этих скомканных попыток завязать или поддерживать утренние разговоры, на которые я по большому счету совершенно не способна. Нет глупого подобия съедобного завтрака в постель. Долгих провожаний из серии: ну иди уже работай, а то я в душ хочу, покопаться в интернете, сделать кучу звонков, записаться на маникюр, посплетничать в подружкой на тему того, какие трусы удобнее носить в длительном походе по лесу, и выпросить у нее почитать интересную книгу про природу магнитных полей Юпитера, а вместо этого я тут с тобой стою, как дура, в коридоре и томно вздыхаю между пятидесятым и шестьдесят вторым прощальным поцелуем.

Телефон, стоящий на зарядке, оживает хриплым прокуренным звоном, и я невольно вздрагиваю от неожиданности. На экране высвечивается номер Майлза.

– Проснулась что ли? – веселиться он на мое мычание, которое я хочу выдать за приветствие.

– Типа того... – откровенно зеваю в трубку.

– Какие планы на сегодня?

– Занята... – с удовольствием тяну я, поджимая на ногах пальцы. – Душ, маникюр, позвонить всем, в том числе и на работу, еще Вольф...

– У-у-у-у... это надолго... – Майлз чем-то грохочет в трубке, – твои-то хоть в курсе что ты приехала?

– Нет еще... Им тоже позвоню...

– Ладно, ты на кухне была уже или еще валяешься?

– Валяюсь...

– Тогда подымайся и иди туда. Я тебе там всякой всячины оставил... поешь пока не остыло....

– А что там?

– Тебе понравится... – фыркает он и кидает трубку...

Улыбаюсь... Майлз в своем репертуаре... Обожаю его... Значит завтрак, потом маникюр... Потом Вольф... Потом...

Мысли мои машут мне ручкой, как раз на пороге моей кухни, которую переполняет аромат оладий, яблочного джема и свежесваренного чая с мятной горчинкой.

Доктор Вольф

Мара не зря вчера извела, как выяснилось впоследствии, почти весь свой дорогуший карандаш для подводки глаз на переправление моей речи. До бизнесменов, далеких от проблем психотерапии, однако феерически способных делать деньги даже из воздуха, основная идея программы дошла и зацепила. Уже в процессе обсуждения особенностей погружения человека в состояние чистого листа и последующего вывода из него в первозданное состояние появилось много смелых идей по развитию программы. Разброс был, начиная от организации отдыха для хранителей государственных и прочих сверхважных тайн, вплоть до создания этаких живых флэшек, используемых в сфере промышленного шпионажа. Последнюю идею все присутствующие обсмеяли, вспомнив фильм с подобным сюжетом, и чем там все закончилось.

Но финансирование на продолжение исследований и развитие программы мы, как ни странно, получили. Хотя я, если честно, не верил в успех ни одной минуты. Но глава одной из крупнейшей банковской сети в стране, Август Принс, выписал нашему институту авансовый чек на десять миллионов и попросил прислать ему результаты исследования первой группы тестеров. Если они его устроят, он обязался регулярно финансировать наши разработки, так как ему самому, да и нации в целом, нужны жизнерадостные здоровые сотрудники.

За что я люблю утро субботы, так это за возможность доехать до работы за каких-то 15 минут, вместо обычных 45... Люди ползают по улицам как снулые мухи, тихо переговариваясь между собой, а погода явно вот-вот разродится тяжеловесным долгим дождем...

От выпитого вчера шампанского у меня все еще закладывает нос, и приходится надсадно шмыгать, поднимаясь по ступеням исследовательского центра, вяло отвечая на сонный кивок охранника. У него форменная фуражка сидит на голове неровно: утиный козырек ее чуть убежал в сторону, но от этого его несимметричное лицо почему-то становится более гармоничным.

Коридор, одна стена которого стеклянная и выходит на зимний сад, раскидывает эхо моих шагов. Надо собраться с мыслями. Отправить Принсу результаты исследований. Думаю, начальных данных и конечных, высчитанных с последних опросов первых тестеров, должно хватить... Хотя, может лучше показать все промежуточные этапы... И еще, стоит ли включать в этот отчет результаты моей любимой восьмерки, за которой я до сих пор слежу с возрастающим вниманием?

Дело в том, что даже лишившись всех воспоминаний о себе самом, человек так или иначе выбирает что-то более или менее ему привычное и знакомое. Тестерам предлагалась возможность обучаться любой профессии и пробовать работать в ней. Так вот 70 % выбирали или те же специальности, что имели до стирания, или что-то схожее по функционалу ну или, в крайнем случае, направлению. Еще 22% предпочли отдыхать, развлекаться, искать смысл бытия и вести богемный образ жизни... Но вот оставшиеся 8%, по странному выражению моего секретаря Орланду, дали настоящего дрозда...

Самый яркий пример из них – поэт, пришедший на программу бороться с затяжной депрессией, при которой уже даже психотропные препараты почти не давали эффекта. Первую неделю после очистки памяти он сидел в парке их отгороженного, искусственно сконструированного на базе заброшенных зданий «мира» и тихо плакал. Вторую он провел в библиотеке, помогая расставлять книги и чинить ветхие экземпляры... Мы уже решили, что он успокоился и нашел себе занятие, да и улыбаться начал хоть и неуверенно. А вот на третью неделю он явился в библиотеку с топором и бензином. Разнес в щепки пару стеллажей и сжег их во дворе с воплями о том, что ему нужна тишина, и чужие заумные мысли его бесят до кровавых пятен в глазах...

Отдохнув после этого пару дней на транквилизаторах, он, аккуратно причесанный и застегнутый на все пуговички своей парадной рубашки, явился к начальнику скотобойни и попросил взять его на работу забойщиком.

Собственно, он до сих пор им и работает. Потерял полторы фаланги мизинца на левой руке, но бросил курить и смеется над своими стихами. Хоть те все-таки были прекрасны. Увлекается восточной философией и пробует единоборства. Хочет жениться на шеф-поваре мясного ресторана, с которым сотрудничает его предприятие.

Также у нас есть бухгалтер, превратившийся в акушерку. Учитель пения, открывший бюро ритуальных услуг. Офтальмолог, занявшийся аналитикой и расчетом рисков. Два инженера-строителя, один из которых ушел в профессиональный бокс, а второй – в продавцы-консультанты всякой девчачьей бижутерии из дешевых страزيков и пластмассы. И безработный прожигатель жизни, который надел строгий костюм и принялся изучать законы.

Ну и Эрика Майер... Которая хоть и не может похвастаться такой театральностью, которую организовал поэт, перерождаясь в работника скотобойни, но все же заткнувшая за пояс всех остальных вместе взятых. Только ей из этой сотни хватило упертости найти себя настоящую и настолько смириться с тем, что прошлое не имеет значения, что даже ее семья не смогла отговорить ее от муторной процедуры смены всех документов для получения нового имени, статуса, места учебы, работы и жизни. Впрочем подозреваю, что ее семья вообще мало что может сделать, если Эрика упирается рогом. Хотя при нашей первой встрече она производила впечатление очень мягкого, покладистого, начисто задавленного хорошим воспитанием существа...

Как сейчас помню тот день, когда вызвал ее на собеседование. Я не очень понимал, почему она подала заявку на участие. Ведь прямых показаний у нее было маловато. Психологическое тестирование выявило только хроническую усталость и сомнения в самоидентификации в обществе. Но прочитав ее анкету, я решил все же не отсеивать ее сразу. Поэтому я попросил Орланду вызвать тогда еще Ванессу Майер на дополнительную беседу.

В назначенное время – минута в минуту – в дверь моего кабинета робко поскреблись. Я крикнул, чтобы входили, и сквозь щелку в комнату просочилась девушка лет двадцати пяти. На первый взгляд она была просто никакая. Самые обычные джинсы, аккуратные ботиночки, темная кофта и низкий хвостик темных курчавых волос. Незапоминающееся лицо, взгляд, обращенный внутрь себя, делал ее похожей на оживший манекен. И просто жутко мерзко съеденные ногти, от вида которых меня слегка передернуло...

Ванесса проследила за моим взглядом и, чуть покраснев, спрятала руки за стоящей на коленях сумочкой.

Поборов отвращение перед ее огрызками, я все же начал разговор. Попросил рассказать ее о себе. Ничего особенного не добился. Девчонка явно зажалась, говорила вяло и неуверенно. Но я невольно обратил внимание на ее губы. Обычные по форме, ничем не выделяющиеся на и без того невыразительном лице, своими незначительными движениями, вздрагивающими полуулыбками, они придавали ее тусклой речи странноватые отблески бесшумно подступающего пожара. Чувствуя, что меня это начинает потихоньку гипнотизировать, и понимая, что мне это не нравится, я решился задать вопрос напрямую: почему она хочет принять участие в программе и стать тестером. Она вздохнула и неожиданно посмотрела на меня так, что мне вдруг показалось, что ее взгляд ожил.

– Наверное потому, что я безумно устала от всей этой кутерьмы, что называется моей жизнью. Я за ней не вижу сути...

– И ты думаешь, что, забыв все, избавишься от проблем, что мешают тебе жить?

Я уже решил, что она не подходит, но задал этот дежурный вопрос скорее по привычке.

– Нет.

Я аж оторопел от ее улыбки.

– Это вообще никаких проблем не решит. Скорее просто поставит на паузу их. И когда придет время вспомнить все, они навалятся на меня с новой силой и долгами. Но, возможно, убрав этот мельтешащий фон, что не дает мне ни возможности двигаться дальше, ни жить как мне хочется, я смогу увидеть что-то новое. Что-то, что позволит мне или адаптироваться к тому, что есть, или увидеть в себе черты, позволяющие мне откинуть прошлое, потому что оно потеряет свою важность.

В ту секунду я понял, что ее надо брать в программу во что бы то ни стало. Просто ради того, чтобы посмотреть, получится ли у нее задуманное. Первым сюрпризом от Ванессы стало ее необычно спокойное поведение после пробуждения от процедуры стирания памяти. Люди с намного более устойчивым психическим состоянием, чем у нее, реагировали растерянностью, тревогой, испугом. Она же выглядела абсолютно расслабленной. А по разговору стало ясно, что она откровенно наслаждается происходящим... Я пообещал себе следить за ней на протяжении всех полутора лет, что длился тест... Но, во-первых, она у меня была не одна. А потом случился Поэт... и я о ней думать забыл до конца эксперимента.

К ее приходу на первый контроль через месяц после возвращения памяти я подготовился. Внимательно перечитал ее анкету, в которой говорилось, что Ванесса Майер по образованию менеджер, работает администратором на ресепшене в офисе крупной фирмы по продаже электроники, несколько раз шла на повышение, но всегда выбирали более активную или симпатичную кандидатуру... Я так увлекся чтением ее прошлого, что совершенно ничего не замечал вокруг.

– Здравьете... Доктор В. Баухоффер... – сыто-ленивый голос Ванессы заставил меня позорно подскочить в кресле, – тише-тише, не надо так нервничать... так и до инфаркта недалеко...

Она сидела в кресле напротив, закинув ногу на ногу, обмахиваясь новой папкой с личным делом. На ней была все такая же простая одежда, а кудрявые волосы лежали по плечам. Так заморочившие меня когда-то давно губы были слегка тронуты помадой, но теперь это было не важно. В ней появилось что-то неуловимо острое и стремительное. Этаким флер, притягивающий к себе и безжалостно сводящий на «нет» все попытки разглядеть ее внешние недостатки или достоинства.

– О, господи, как ты меня напугала, – я потер лоб и попытался унять сердцебиение, но проще было остановить голодного гиппопотама, бегущего обедать...

– Не буду говорить, что я не специально, – усмехнулась Ванесса, – но такого мощного эффекта я не ожидала. Это, кстати, вам.

Она положила на стол передо мной принесенную папку и снова откинулась в кресле, наслаждаясь происходящим. Я подтянул документы к себе не глядя, откашлялся...

– Итак, Ванесса...

– Эрика... – она произнесла это так уверенно и веско, что возникло невольное желание прикусить язык.

– Э-эрика? – я немного растерянно сверился с заглавным листом документов, где лежала копия ее нового паспорта с именем Эрика Майер, – Хм, звучит красиво... Хорошее имя... новой тебе явно подходит...

– Спасибо...

– Так вот Ва... извини, Эрика, как твои дела?

– Прекрасно... – она сладко повела плечами и покачала ногой, – перевелась экстерном на четвертый курс. Скоро пойду в первую экспедицию помощником...

– Как интересно... а помощником кого ты будешь?

– Картографа. Собственно, на эту специальность я сейчас и переучиваюсь...

Я понял, что не успеваю поймать стремительно падающую челюсть.

– Что? -рассмеялась она и скрестила на груди руки, на солнце, светившем в окно, хищно сверкнули длинные холеные ногти, покрытые бесцветным лаком, – я не понимаю, чему вы так удивляетесь, если честно? По-моему, это очень интересная профессия...

– С такими-то ногтями в ней тебе делать будет нечего... – бездумно пробормотал я, сиюсья собрать мысли обратно в голову и морально подготовиться к другим возможным сюрпризам с ее стороны.

– А это специально для вас подарок... Не очень-то приятно наблюдать, как вы героически сдерживаете тошноту при виде чего-то не отвечающего вашему пониманию прекрасного... вы, кстати, рубашку сменить не хотите? Ее эта мелкая полоска и рубчик, у кого угодно вызовет морскую болезнь...

Секунды две мы мерили друг друга нечитаемыми взглядами, а потом расхохотались... Кто бы мог подумать, что эта интеллектуалка Ванесса Майер, став Эрикой и обретя уверенность в себе на грани разумного, так тонко уест меня за мою же оплошность. Это и делает нас хорошими друзьями...

Вот информацию про Эрику я точно подавать не буду Принсу. Не знаю почему, но не хочу, чтобы он про нее знал... Дверь в мой кабинет привычно распахнута настежь. Значит уборку уже закончили. Сейчас заварю себе кофе, посмотрю документы...

– Я принесла тебе пончики! – Голос Эрики встречает меня на пороге. Она сидит боком в кресле для посетителей, свесив ноги с подлокотника, и что-то сосредоточенно пишет в планшете, с которым я обычно провожу опрос, – хотя, судя по твоему сопению, тебе сейчас актуальней антипохмелин...

– Обойдусь, – шмыгаю я, невольно рассматривая ее ядовито зеленые носки с радужными единорогами, торчащие из-под края штанин, – а за пончики спасибо. Хоть я и не ем сладкое...

– Вот что ты за скучный человек, Вольф, – она перелистывает страницу на планшете и продолжает строчить, – я к тебе со всеми пончиками... можно сказать, прямо из души их своей достала... А ты...

– А я качаюсь в зале не для того, чтобы потом заедать свои труды холестерином и быстрыми углеводами... – отбиваюсь я и, наконец, прохожу за свой стол.

– Ок, в следующий раз я тебе принесу вареную кольраби... – легко соглашается она, заставляя меня коротко усмехнуться.

– Ты давно вернулась? – спрашиваю скорее для себя, чем для протокола. Ее присутствие в моем кабинете почему-то навеивает уют и желание потрепаться о жизни.

– Вчера вечером, – Эрика бросает на меня пустой взгляд и встряхивает высоким хвостом. – Слушай, почему я сама все это заполняю, а? Это, между прочим, твоя работа...

– У тебя почерк лучше... – я делаю вид, что отшучиваюсь. – Да и потом у меня сейчас нет сил тебя допрашивать. Я с банкета вернулся в три часа ночи. И все, что я сейчас хочу, это ванна кофе и немного покоя...

– Ого... Серьезное заявление... – она откладывает планшет и прикусывает кончик ручки, – и по какому поводу было гульбище, если не секрет?

– Выбивали финансирование на развитие программы «Z3X84».

– Развитие? – она подтягивает одну коленку к груди и обнимает ее тонкой рукой. – Слушай, я, конечно, не сильна в психотерапии... Да и в том, как именно работает эта программа... Хоть и участвую в ней... Но, насколько я понимаю, она представляет из себя довольно логичный и заверченный цикл. Отбор участников с определенной группой проблем. Проверка их на отсутствие суицидальных наклонностей и стрессоустойчивость. Проведение процедуры очистки памяти. Помощь в начале социализации в новом чистом обществе. Предоставление возможности обучения и самообеспечения. Психологическая поддержка, если происходит столкновение с прошлыми страхами и проявляется хоть какая-то реакция на них. Потом, когда через полтора года состояние стабилизуется, начинается постепенное выведение из «чистого

листа». Помощь в принятии себя старого и нового. И последующее ежемесячное отслеживание состояния тестера с целью понять, что у него в голове происходит и как он уживается сам с собой. Ведь так?

– Дословно, – сцепляю пальцы в замок и кладу на них подбородок.

– Но какое у этого может быть развитие? Зомбирование людей на выполнение определенных функций в состоянии чистого листа? Или после вывода из него?

– Не путай психотерапию и гипноз. Хоть он порой и используется в сложных случаях, но, по большому счету, программирование людей без их согласия и осознания последствий – это нарушение прав человека.

– Тогда расширение спектра допустимых отклонений у тестеров? – она внимательно прищуривается, явно что-то прикидывая в уме...

– Постепенно и до этого дойдем. Но пока хотим попробовать поставить «Z3X84» на коммерческую основу. Сделать что-то вроде относительно доступной программы лечения и отдыха для деловых людей и работников офиса...

Она молчит секунд десять, глядя на меня немигающими бессмысленными глазами. В какой-то момент она кажется мне умственно отсталой.

– Ты... серьезно? – наконец произносит она, чуть хрипнув на втором слове.

– Да. Эта идея заинтересовала Августа Принса, он дает под это деньги... – мне не нравится ее явное замешательство. – А что тебя так насторожило?

– А он кто? Этот Август...

– Ты в своем лесу совсем одичала... – веселюсь я, подтягивая к себе пакет с принесенными ею пончиками. Бог с ними, от одного мне ничего не будет. – Он глава банковской корпорации... Меня с ним Мара вчера познакомила.

– М-м-м... – Эрика медленно кивает, запихивая планшет между собой и спинкой кресла, скрещивая руки на груди, – у нее отличные связи... прямо на зависть... наверное, хорошо быть модным дизайнером интерьеров...

– Мара талантливая.

– Без сомнений, – в ее интонациях нет сарказма и это радует, – а что ты про этого банкира знаешь?

– Кроме того, что он зарабатывает пару миллиардов в неделю? – пытаюсь стряхнуть сахарную пудру с пальцев, но только пачкаю рубашку, – то, что он любит спортивные машины и играть в видеоигры на приставке... А к чему этот допрос, Эрика?

– К тому, что ты не бизнесмен... Ты ученый. И ведешь себя ты с точки зрения бизнеса крайне неосмотрительно. Да и потом поставить такой опыт на коммерческую основу, уж прости, – на редкость дурацкая идея.

– Это еще почему? Показатели-то хорошие... – я ловлю себя на том, что по-детски обиженно закусываю губу.

– С чего ты это взял? – она достает смятый планшет и помахивает им в воздухе, – вот с этих опросников? Со статистики, которую вы впятером с другими психотерапевтами собираете и кое-как причисляете?

– Ну... вы же нам дневники состояний присылаете еще еженедельно по почте... если не можете прийти на встречу... – ее внезапно агрессивная дотошность вызывает злость и желание скрипеть зубами, – чего ты завелась? Все же в порядке. Отклонений не наблюдается. У тебя-то точно...

– Кто тебе сказал, что у меня все в порядке? – она произносит это так спокойно, что злость схлынывает с меня ледяным потом.

– В смысле? Что ты имеешь в виду?

Ответить ей мешает трель моего рабочего телефона. Судя по тому, что на нем мигает синяя квадратная лампочка, звонят с охраны.

– Подожди секунду, – я поднимаю трубку с неприятным ощущением холодных капель, ползущих по спине, – да!

– Доктор Вольф, у нас опять прыгун нарисовался... – устало раздраженный голос охранника припиливает меня к стулу. И следующие фразы о просьбе подняться на крышу и отговорить очередного недоумка падать с двенадцатого этажа едва ли долетают до моего сознания...

У всех свои слабости. У каждого спеца есть область, с которой он предпочитает никогда не работать. Я знаю программистов, которые принципиально не переустанавливают программное обеспечение. И стоматологов, которые не берутся делать зубы мудрости. Я не могу работать с суицидниками. Словно что-то восстает во мне против и не дает приближаться к ним. Да и мои слова на них не действуют. Вернее действуют, но совершенно не так, как должны... Я помню каждого, с кем пытался работать. И я искренне надеюсь, что ни руководство моего института, ни спонсоры никогда не узнают, что из этого получается. Об этом знают только Мара... и, как мне кажется, догадывается Эрика. Хотя насчет второй это явно моя паранойя...

– Что там? – спрашивает она, видя, как я преувеличенно аккуратно кладу трубку и зажмурившись тянусь за бутылкой коньяка, что стоит у меня в нижнем отделе стола.

– Придурок на крыше... – мямлю я, наливая себе явно чрезмерную порцию алкоголя в большую чайную кружку... – надо идти отговаривать...

– М-м-м... – Эрика следит за тем, как я давлюсь глотками, жгущими мое горло. С шумом выдыхаю. Во рту поселяется землистый привкус. Словно я лизнул застарелую плесень, и она миглом проросла в мой язык. И вопреки всему становится холодно. Мотаю головой и тянусь налить следующую порцию.

– Стоп, – я не замечаю, как она подходит ко мне и резким движением неожиданно цепких пальцев отбирает у меня кружку, – давай я пойду.

– Смешно... – фыркаю я, но выходит жалкое подобие, – и как ты себе это представляешь?

– Никак. Я просто пойду и поговорю.

Она выливает остатки коньяка из чашки в чахлую одинокую фиалку, которую мне всучили для создания умиротворяющей обстановки в кабинете и которую я честно все время забываю поливать. Это яркое пятно в окружении бледно-фисташковых стен и светлых деревянных рамок с дипломами и сертификатами кажется мне странно живучим мутантом.

– Это о чем же?

– Да чтоб я знала... Но это явно будет безопасней, чем если туда сейчас пойдешь ты, накаченный для храбрости алкоголем до заплетающегося языка.

Она с грохотом опускает чашку на подоконник и с хлопком отряхивает руки.

– С чего ты взяла, что для храбрости? Может я их просто не люблю...

– С того, что я не слепая, Вольф, – она закидывает на плечо сумку-котомку цвета хаки и направляется к выходу из моего кабинета, – и в отличие от тебя, я все же умею читать по глазам. Ты в ужасе, Вольф. Почти в панике.

– Если он прыгнет, это будет на твоей совести, – бормочу ей в спину, и она, обернувшись, смотрит на меня своими пустыми глазами.

– Ладно. С совестью своей я договорюсь. Раз ты со своей не можешь... Поговорим завтра. Пока.

Дверь закрывается за ней с протяжным скрипом, от которого у меня начинает ныть голова. На вешалке у двери остался висеть ее зеленый жилет с неспящим глазом. Внезапно в моем сознании звучит вопрос: «Кто тебе сказал, что у меня все в порядке?». И я понимаю, что нельзя было ее сейчас отпустить...

Люк Вайс

Десять... девять... восемь...

Ветер кошачьей спиной пихает меня под колени, и я невольно сбиваюсь со счета...

Десять... девять... семь...

Нет... Не так...

Десять....

Я сказал себе, что шагну, когда дойду до нуля. Глаза жжет от холодных порывов, несущих на своих хребтах облака. Щурюсь...

Десять... девять...

Влажные ледяные пальцы меняющейся реальности скользят между ребрами, мешая дышать...

Восемь...

Вдох получается с хрипом, мерзким как истерика...

Семь...

Земля внизу манит, протягивает невидимые сквозь асфальт руки... Скоро все кончится. Надо только до нуля дойти непременно... И пустота больше не сможет медленно пережевывать твою душу полустесанными воняющими равнодушием зубами...

Шесть...

Противный комок в горле вдруг легко проглатывается, заставляя легкие хлопнуть парусом...

Пять...

– Слышь, – легкий тычок чем-то островатым в левую икру заставляет меня пошатнуться, и я с оскалившимся звериным ужасом пытаюсь восстановить равновесие, размахивая руками и всем телом, – у тебя мелочь есть?

Тело костенеет с космической скоростью, будто срабатывает мгновенная заморозка. Сердце колотится даже не в горле, а в стремительно распухающем и опадающем в такт его обезумевшим ударам языке, и я с трудом скашиваю глаза влево и вниз...

Облокотившись на карниз локтями, стоит девушка с хвостом пружинчатых волос и вертит в тонких детских пальцах сигарету.

– Н...н-н... н-н... – я понимаю, что слова не идут, и отрицательно дергаю подбородком... Она корчит кислую мину в ответ на мои заикания и начинает копать в карманах полосатой толстовки.

– Блин, да что ж за день-то такой... – бурчит она, вытряхивая на карниз рядом с моими кедами какой-то мелкий мусор вроде скатанных в кругляши фантиков, сухих еловых иголок, корешок от билета в кино, смятый гармошкой, – ни кофе попить по-человечески, ни покурить нормально... Кстати, слышь...

От следующего тычка острым локтем я странным образом умудряюсь увернуться, исполнив пируэт, на который сроду был не способен. Она меряет меня странным взглядом, от которого мороз бежит по коже, но по ее чуть приоткрывшемуся рту понимаю, что впечатление я явно произвел.

– А... А зажигалка у тебя есть, – чуть запнувшись интересуется она.

– Ч-что?

Мысли, метавшиеся еще секунду назад в голове ранеными пауками вдруг исчезают, и все что я могу – так это смотреть на эту какую-то безликую чокнутую девчонку в пчелиной толстовке, которая разочарованно кривит губы.

– За-жи-гал-ка... – почти поет она по слогам, показывая мне незажженную сигарету, будто дразня конфетой, – тебе там, случаем, на высоте еще уши не продуло? А то смотри, болеть будут...

– Н-нет...

Я сам не знаю на какой из ее вопросов отвечаю, но невольно опускаю руку в карман. Под онемевшие пальцы попадает только складка ткани и что-то пластиковое... Я не сразу соображаю, что этот как раз то, что ей от меня нужно. Молча достаю зажигалку и протягиваю вниз.

–О, спасибо, – она с преувеличенным восторгом щелкает ей, затягивается и пытается вернуть, но...

– Нет, не надо... мне больше не... оставь себе... – бормочу я, отодвигаясь от нее подальше.

– Как скажешь... – она легко пожимает плечами и вдруг по-кошачьи толкается ногами, заскакивая на карниз.

– СДУРЕЛА! – сам не замечаю, как перехожу на визг, -УПАДЕШЬ!!!

От ее маневров меня шатает, но это уже не страшно... Только толпа мурашек охватывает вернувшееся на законное место сердце.

Она лишь фыркает и легко опускается сначала на корточки, а потом и вовсе усаживается на самый край, прижав одну коленку к груди и свесив вторую ногу вниз...

– Не-а... – она лениво качает головой, выдыхая дым, сыто щурясь на горизонт, – я в душе макака. Ну или кошка... Хотя последнее как-то пошловоато звучит... Кстати, смотри, там облако напоминает спящего верблюда.

Она тычет куда-то в небо сигаретой, зажатой между пальцами, и снова затягивается, беззаботно болтая ногой над бездной.

Невольно смотрю туда, куда она указывает, но вижу лишь набухающие тучи, которым все тяжелее ползти по серой взвеси неба.

– Там нет ничего такого....

– Ладно... – она говорит это так, что становится понятно, что она согласилась со мной просто от скуки и лени развивать этот возможный спор, – как скажешь...

Невольно начинаю всматриваться в небо, чтобы... ну я же прав... там нет никакого спящего верблюда... я же не дурак и не слепой... Но она говорит так, будто есть... да и соглашается только чтобы... Снова кошусь на нее. Она курит с таким непритворным наслаждением, что я отчаянно давлю в себе желание пнуть ее со всей силы.

– Чего тебе надо? – от злости в моем голосе проскальзывают жалкие подрагивающие ноты, и желание считать до нуля вспыхивает во мне остервенелой яростью.

– Мне? – она переводит на меня свой стремный взгляд, и я вдруг понимаю, что не могу разглядеть какого цвета у нее глаза. И хоть она сидит у моих ног, мне кажется, что она разглядывает меня свысока. – Ничего.

– Тогда чего ты тут сидишь?

– Здесь вид красивый. Особенно перед грозой... – она равнодушно отворачивается, стряхивая с сигареты столбик пепла, – люблю смотреть на облака...

– Если ты думаешь отговаривать меня и рассказывать мне о том, что жизнь прекрасна, только я этого не понимаю...

– Да делать мне больше нечего... – фыркает она, снова затягиваясь...

– Что?

– Собрался прыгать – прыгай... – кивает она скорее сама себе, – кто я такая, чтобы тебя отговаривать... Твоя жизнь... Делай, что хочешь...

– Вот так просто? – чувствую такую растерянность, что начинаю понимать, что ужасно замерз...

– Да...

– И... Ты не будешь меня... убеждать ...

– Неа... – она тушит бычок о край карниза, роняя в двенадцатиэтажную высоту одинокие искры...

– Я все равно это сделаю... – почти хнычу я, чувствуя, что одиночество и непонимание, похоже, надели новые вставные челюсти и вцепились в меня с новой силой. И что терпеть, это с каждой секундой становится все непереносимее.

– Да вперед. Если ты уверен, что тебе это надо ...

– Тогда уйди... – глаза ест, так будто я нырнул лицом в мешок с солью... – ты мне мешаешь...

– Чем интересно? Я просто сижу и курю молча. Это ты со мной разговариваешь...

– Я не могу сосредоточиться...

– Да? А, ну ладно, извини... – она поднимается на ноги одним текучим движением и оказывается почти одного роста со мной, – сосредотачивайся, настраивайся... готовься спокойно... не отвлекайся... Правда, у тебя это вряд ли получится, но всему свое время...

– Почему...

– Потому что у тебя есть вопрос, на который ты сам себе не ответил... – она разворачивается ко мне всем телом и упирает руки в бока.

– Какого черта я тебя вообще слушаю?

Она отрицательно качает головой, будто пряча смех на закушенной нижней губой.

– Ты действительно хочешь шагнуть вниз и превратиться в хреновое клубничное желе на фоне банальной грозы или тебе просто нужно, чтобы тебя обняли и пожалели?

В ее голосе нет ожидаемого мной веселья. И от этой тысячу раз прочитанной и прописанной фразы что-то ломается во мне под аккомпанемент летящего на нас грома... И то, что казалось совершенно непереносимым еще минуту назад, обрушивается на меня с такой силой, что я невольно осознаю, что до этой сумасшедшей секунды все было очень даже неплохо...

Тяну в себя воздух с каким-то страшным свистом, ощущая, как каждая клетка тела ломается под натиском орущих огнем демонов, превращающих меня в ничто, позорно качающееся на оборвавшихся качелях.

Ее детские руки, ледяные как штормовой ветер, ловят капли на моем лице кончиками пальцев. И там, где она касается меня, боль удивлено отшатывается, щерится, злится, но не впивается в полную силу.

– Эй... – ее голос касается моего слуха такой нежностью, что для меня исчезают все остальные звуки, кроме ее слов, – ты если так любишь клубничное желе, что непременно хочешь им стать, только скажи... и я тебя отпущу... исчезну и не стану тебе мешать... честно...

И я вцепляюсь в нее изо всех сил, вжимая в себя и явно делая больно. Слышу ее рваный выдох, и что-то на остатках моего здравого смысла кричит, что так недолго ей переломать ребра или вообще придушить. Но отпустить ее, дрожащую от холода, и позволить испугавшейся было боли вновь развернуть во мне свои поминальные костры просто выше моих сил...

– Тихе-тише... – нежность ее окрашивается сильными отзвуками, и я чуть ослабляю хватку, позволяя ей вдохнуть, – я рядом... я с тобой... и никуда не денусь в ближайшее время...

– Ненавижу клубнику... – голос сочится солью и ядом, заставляя меня позорно шмыгать, но ее пальцы путаются в моих волосах, и я забываю о том, что должен люто себя сейчас ненавидеть...

Мара Баухоффер

Я люблю своего мужа. Ну как люблю... Я рада тому, что он есть в моей жизни. С ним мне никогда не бывает скучно...

Мы познакомились в выпускном классе. Я перевелась в новую школу, и в первый же день увидела его. Высокий и широкий как шкаф, он сидел на последней парте, которая явно

была ему маловата, сыпал шутками, очаровывая всех вокруг. Проходя в очередной кабинет, я умудрилась споткнуться и шлепнуться на колени, порвав юбку прямо по шву на попе. И он был единственный, кто не заржал как конь, а просто подошел, помог мне встать и накинул мне на пояс свой форменный школьный свитер. Заглянув в его темные глаза, дабы от души поблагодарить, я поняла, что пропала... А он вдруг покраснел так, что короткий ежик светлых волос на затылке встал дыбом. С тех пор мы не расставались.

Моя мама, глядя на нас, вздыхала и принималась мне рассказывать истории о моей бабушке Юдит, которая всю жизнь тащила на себе моего деда, прекрасного столяра-работягу, который, однако, вне своей мастерской терял всякую инициативу и не мог даже найти нормальных поставщиков дерева для своих изделий. Но я была юна, и бабушка Юдит казалась мне нахальной командиршей, любящей совать свой нос везде, где не просят.

Особенно меня возмутило то, что приехавшая на мою свадьбу моложавая, подтянутая шестидесятипятилетняя Юдит отвела меня в сторонку и не терпящим возражений тоном заявила мне: «Вольф твой, конечно, редкий жеребец. Сама бы от такого не отказалась, кабы не твой дед, чтоб ему мудаку безвольному и дальше спокойно жилось под моей юбкой...»

Она закурила и посмотрела на меня какими-то больными желтыми глазами.

«Ты только не будь идиоткой, Мара, – ее голос показался чужим и тусклым. Словно она говорила со мной из прошлого, занавешенного пыльным занавесом с заплесневевшей позолотой, – не вздумай рожать ему детей... Поверь мне, он этого не стоит... Тебе его на себе волочь придется. Еще и спиногрызов тебе уже не выдюжить... И не сверкай на меня глазами, малявка. Тебе только девятнадцать. А я с таким драным шутком всю жизнь прожила. И дай-то бог, еще столько же протяну... Но тебе своей жизни, я не пожелаю...»

Тогда вышел скандал, и я послала Юдит куда подальше. Но уже через пару лет осознала, о чем именно она говорила. Вольф оказался прекрасным любовником и заботливым мужем... Он успешно учился на психотерапевта с моей подсказки, участвовал в соревнованиях по борьбе и боксу, о которых я узнавала и предлагала записаться. Посещал правильные мероприятия, на которые мне удавалось достать билеты, и знакомился там с интересными и полезными людьми, о которых мне случалось услышать заранее и разузнать побольше.

В мои двадцать три, сидя ранним утром на краю ванной и стараясь удержать в себе вчерашний ужин, я смотрела на две полоски на тесте и слушала, как Вольф в спальне рассуждает на тему того, что для успешной карьеры ему видимо придется писать диссертацию...

Тест я сожгла в пепельнице. А через неделю приехала в гости к Юдит, которую игнорировала со дня свадьбы. Она встретила меня, сидя на веранде своего дома, потягивая коньяк. Было семь вечера, и на круглом столике светлого дерева прямо у ее загорелого чуть морщинистого локтя стояла ваза с фруктами. Длинный виноград едва держался на своей сухой скрюченной кисти и пах так, что у меня кружилась голова.

– О! – Юдит отсалютовала мне коньячным бокалом и улыбнулась крупными неестественно белыми зубами, – Привет, Малявка, вид у тебя цветущий... Жизнь с твоим жеребцом явно идет тебе на пользу. Выпьешь?

Я села на соседнее кресло, отщипнула пару виноградин и закинула их в рот.

– Я сделала аборт, – пробормотала я с набитым ртом и покосилась на пустой бокал для коньяка, – Вольф собирается писать диссертацию. Нужен грамотный руководитель, ученый совет... организовать публикации...

Бабушка кладет руку поверх моей ладони и сухо сжимает ее горячими пальцами.

– Можешь не объяснять, Мара... – свободной рукой она наливает мне порцию коньяка и ставит передо мной. – Как это не прискорбно, мы с тобой до безобразия похожи. Я это поняла, когда тебе и трех лет не было... И ты раздавала соседским детям свои конфеты, подаренные на праздники, а потом ревела от того, что тебе ничего не досталось. И я все боялась, что ты

так же положишь себя на алтарь во имя какого-нибудь дебила... Радует, что твой Вольф не дебил... по уровню интеллекта... Но вот в остальном...

– М-да... – хмыкаю я, глотая коньяк и чувствуя, как от него мое раздраженное холодным металлом и чужими равнодушными действиями нутро чуточку оттаивает и перестает корчиться от ощущения утраты... – Действительно шуты... креатива море... а вот способности хоть что-то из этого моря выжать и сделать пригодным для жизни... Или просто довести начатое до ума....

– Да... – Юдит достает из глубокого кармана платья пачку сигарет и протягивает мне, – но самое поганое во всей этой истории то, что без них жизнь становится тусклой и неинтересной... И хоть я в глаза называю твоего деда безмозглым ослом, все равно это мой осел... И другого мне абсолютно точно не надо...

Тогда я осталась у Юдит ночевать. Вольф ничего не узнал. Как и последующие четыре раза. К моему внутреннему облегчению, в вопросе о детях он оказался довольно равнодушным, что позволило мне постепенно довести нашу совместную жизнь до ума и построить ему карьеру. Его идея с этой программой стирания памяти поначалу показалась всем бредовой... Но я видела, как он загорелся. Он вынашивал и лелеял свои идеи так бережно, сияя изнутри такой искренней радостью, что я просто смирилась и в очередной раз записалась на прием к врачу.

Программа оказалась успешной. Как и все, что придумывает Вольф... Одному богу известно, чего мне это стоило. Но статистика его этой «Z3X84» стабильно показывает отменный результат. Людям становится лучше. Они переживают свои проблемы, перерастают их и идут дальше. И как бы то ни было, я горжусь моим Вольфом, хоть и давно утратила юношеские иллюзии о том, что такое любовь...

Телефон оживает бодрой трелью, что стоит на звонках моих клиентов, и я откладываю серебряную ручку, которого до этого вертела в пальцах, и беру трубку.

– Здравствуй, Солнышко... – голос Августа Принса едва не сочиться елеем, что вызывает у меня обреченную усмешку.

– Август, твоя привычка сюсюкать ставит меня в неудобное положение.

– О не начинай, Мара... – банкир раздражается хохотом, – несмотря на то, что я твой постоянный клиент...

– Любимый клиент... – подыгрываю ему, комкая в пальцах листочек с ненужными данными фирмы-поставщика полов из натурального бука.

– Вот-вот... Мы остаемся друзьями вот уже 5 лет...

– Семь... – по привычке поправляю его, подтягиваю к себе пачку сигарет и свой любимый мундштук – подарок ныне покойной Юдит. – Впервые ты заказал мне ремонт своего особняка, когда мне было 32.

– И с тех пор ты совсем не изменилась. Все та же девчонка с глазами Байкальского льда...

– Так, Август, у меня сегодня еще три встречи, так что давай, пожалуйста, ближе к делу...

– Мне нужно с тобой встретиться.

– По поводу?

– Твой муж прислал мне результаты его исследований. Хотелось бы обсудить с тобой.

– Я в психотерапии ничего не понимаю... – шарю по столу в поиске зажигалки, но под руку попадают лишь каталоги, калькулятор и пресловутая серебряная ручка.

– Зато ты двадцать лет за ним замужем и точно знаешь, когда твой муж преувеличивает или врет... – в голосе Августа проскальзывают скрежещущие нотки, я откладываю сигарету, – мне нужно чтобы ты посмотрела то, что он прислал, и сказала бы мне, насколько ему можно доверять. Я все же не гроши собираюсь в это инвестировать...

– Ну за двадцать лет жизни с ним я поняла, что Вольф паталогически честный... порой даже в ущерб себе...

– Ужас какой... как ты с ним только живешь... – искренне восхищается банкир, чем-то звякая на другом конце телефона, – значит так, выбери мне время сегодня, и мы поговорим... я сейчас еду за город, в клуб Вёнен. Буду ждать тебя там... До встречи Мара...

В трубку летят гудки. Аккуратно кладу телефон в сумочку. Туда же отправляются сигареты и косметичка. Вот ее, кстати, пора поменять, а то она уже теряет презентабельный вид. Да и бежевый цвет сейчас не в моде...

Поднимаюсь и выхожу из кабинета. Моя секретарша Оливия сосредоточенно набивает исправления в договор. Заслышав мои шаги, она сначала лишь мимолетно кидает на меня взгляд, но потом дробный стук клавиш стихает, и ее горбоносое миловидное лицо принимает внимательно-выжидательное выражение.

– Оливия, ты не могла бы обзвонить всех и отменить мои встречи на сегодня? Мне нужно отъехать по делам.

– Перенести на завтра или раскидать всех в течение недели?

Она делает пометку в лежащем рядом блокноте с детскими феечками на обложке и берется за телефон.

– Как получится, хотя лучше, конечно, распределить по неделе. Да, и знаешь, приглашай, наверное, всех к нам в офис. Меня что-то в последнее время утомляет ездить самой. Сделаешь?

Оливия кивает, набирая первый номер, и я невольно улыбаюсь ей. Чем она мне особенно нравится, так это способностью делать для меня даже невозможное...

Эрика Майер

Открываю глаза как будто по щелчку. Чужое дыхание пугает меня, но стоит увидеть человека рядом, как я тут же вспоминаю вчерашний день. Несостоявшийся прыгун оплетает меня всеми конечностями как лиана, не давая пошевелиться. Тонкое тело его оказывается пугающе сильным. Он спит, спрятав лицо в основании моей шеи. И хоть я точно знаю, что еще никогда не просыпалась так, но это кажется мне странно знакомым. Прислушиваюсь к себе. Ощущения нарастают лавиной, и я, вдохнув поглубже, закрываю глаза, чтобы вновь открыть их уже в другом месте...

– Ты любишь стихи? – голос касается моих волос, и я улыбаюсь круглой японской чашке, на дне которой янтарный чай исходит душистым травяным паром.

– Я не знаю... – пальцы теплеют до того, что по предплечьям бегут мурашки. Не до конца прорисованная татуировка скомороха подмигивает солнечным лучам, просочившимся в окно и отразившимся от кучи маленьких зеркал, висящих на противоположной стене.

– Как это?

– Ну... – ловлю чашкой нервный солнечный зайчик и пытаюсь искупать его в чае, – я люблю их слушать, но... редко, когда понимаю... Наверное, у меня совсем нет воображения. Когда я читаю сравнения, я не понимаю, что имеется в виду.

– Т.е. когда я говорю тебе, что на улица темно как у негра в...

– Да именно это я себе и представляю... – смеюсь его изумлению, – знаешь я даже порой завидую людям с образным мышлением... Они способны видеть этот мир таким многогранным. А я пряма и банальна до безобразия...

– Хм... – объятия становятся крепче, – думаю тебе просто никто не пытался объяснить суть... Хочешь, попробуем разобраться вместе?

– Я подумаю над твоим предложением... – устраиваюсь поудобнее в кольце успокаивающих рук.

– Тебе понравится... Соглашайся...

Меня выбрасывает из воспоминаний, как зазевавшуюся на гребне волны рыбу, прямо на скалы настоящего, и я невольно дергаюсь всем телом, каким-то чудом высвобождаясь из мертвой хватки спящего рядом парня. Мозг ежится, не давая мне контролировать тело, и я, пошатываясь и дрожа, сползаю с кровати. Усаживаюсь на пол, стараясь медленно дышать носом. В позвоночник холодным хребтом упирается батарея. Больно... И это дает мне прийти в себя...

Парень на кровати начинает возиться. Явно ищет меня, перебирает пальцами по простыне и одеялу, вытягивает руки дальше, стараясь ухватить что-то в воздухе... Перекатываюсь вперед, на корточки и, дотянувшись до своей подушки, подсовываю ее ему. Он подгребает ее под себя, утыкается носом и успокаивается... Его русые волнистые волосы, почти достающие до плеч, падают ему на лицо. Хмыкаю и неуклюже поднимаюсь на ноги, держась за край кровати и деревянную квадратную тумбочку похожую на сейф. Часы на ней показывают девять утра...

Надо вставать... Проверить почту, получить ответы от биологов, которым я привезла образцы флоры на анализ генных мутаций из-за изменившихся природных условий произрастания, послать запросы на глубинный эхолот и большой охлаждающий ящик для сбора материалов... Сходить в институт, занести там в бухгалтерию использованные железнодорожные билеты и договориться о повторной поездке по моему участку где-то недели через полторы-две. Хотя так скоро меня могут туда не пустить... Все-таки я только помощник...

Стук в дверь вылавливает меня из потока мыслей, когда я выплевываю в раковину зубную пасту, параллельно вытирая полотенцем овальное зеркало в чуть треснувшей пластиковой

раме. Закрываю воду, вешаю полотенце на сушилку и иду открывать. На пороге оказывается несколько встрепанный Вольф.

– Доброе... утро? – удивленно приваливаюсь к косяку, – а ты что здесь делаешь?

– Ты забыла у меня жилетку, – он протягивает мне пакет из дорогого бутика мужских галстуков, – решил занести....

– А-а-а... да... – оглядываюсь на вешалку в прихожей. Там висит несколько курток, в том числе и ветровка спящего у меня парнишки. Но на привычном месте нет жилетки, – точно, спасибо...

– Я тебя разбудил? – Вольф окидывает оценивающим взглядом мою безразмерную майку, которая сантиметров на 15 выше колена, но по объему в себе уместит быка.

– Да нет, я уже встала, – наконец отлипаю от косяка и делаю приглашающий жест, – проходи, кофе будешь?

– Не откажусь... Я хотел поговорить с тобой... – Вольф заходит в маленькую прихожую широкими шагами, и в ней моментально становится тесно, расстегивает пальто и по-хозяйски пристраивает его на вешалку.

– Ладно, только не шуми и проходи на кухню сразу, – киваю ему на дверь, и он послушно идет туда. Но усевшись на угловой диванчик, вдруг смотрит на меня слегка растерянно.

– Эм... ты не одна?

Неопределенно фыркаю и включаю кофеварку.

– Это имеет значение?

Подтягиваюсь на руках и, подпрыгнув, усаживаюсь на кухонный гарнитур. Ребра тут же отзываются тянущей болью, и я тихонько откашливаюсь. Вчера этот парень схватил меня так, что я мысленно попрощалась со своей грудной клеткой и очень захотела на рентген.

– Просто, если я не вовремя...

– Ой, расслабься, а... – отмахиваюсь от него кухонной кисточкой, попавшейся мне под руки, и достаю с соседней полки кружки, – все нормально.

– Ты не говорила, что у тебя появился парень...

– А он и не появился. – достаю из-за спины сахарницу, – это вчерашний прыгун отдыхает...

– Ч-чего? – Вольф так забавно вытаращился на меня, что я невольно смеюсь и снова хватаюсь за ребра.

– Того, – в тон ему веселюсь я, слыша писк кофеварки и принимаясь наливать нам кофе, – блин, у парня не руки, а настоящие тиски... До сих пор дышать больно...

– Эрика, ты совсем с катушек слетела? – ультразвуком шипит Вольф, поднимаясь и подходя ко мне, – ты с ним спала???

– Что ты подразумеваешь под этим? – лукаво интересуюсь я, бросая в свой кофе кубик сахара, но заметив, как Вольф решительно идет на меня всей своей угрожающей массой, легко упираюсь босой ступней ему в грудь, останавливая. – Эй, полегче... Я тебе не жена и отчитываться о своей интимной жизни не обязана.

– Ты хоть понимаешь, что спать с пациентами, особенно суицидниками, категорически запрещено...

– Тебе! – заканчиваю за него я и протягиваю ему чашку. – Врачам запрещено. Я, если ты помнишь, простой картограф. И к твоей профессии отношения не имею. Так что остынь и перестань голосить.

– Но это...

– Что, Вольф? Некорректно? Непрофессионально? Неправильно? – усмехаюсь я, сжимая на ступне пальцы и комкая в них его рубашку. – Давай сейчас не будем говорить о морали. Потому что мне есть, что тебе ответить, и ты сам это знаешь. Парень, слава богу, жив и самоубиваться в ближайшие пару часов не будет. А дальше посмотрим. В конце концов, я не пси-

холог, чтобы описывать ему ценность его жизни, о которой я вообще ничего не знаю. А ведь есть вероятность, что его поступок был чем-то оправдан, и что такой выход тоже может быть не самым плохим вариантом.

Вольф вдруг теряется и прячет взгляд, поджимает и без того тонкие губы.

– Тебе молока добавить в кофе? – вздыхаю я, опуская с его груди ногу.

– Нет, спасибо... – он забирает свою чашку и делает неуверенный глоток, – я хотел спросить, как тебе удалось? Что ты ему сказала?

– М-м-м... Это был отчаянный блеф... – признаюсь я, разглядывая мнущегося Вольфа, – повторять такое точно не стоит, потому как мне просто несказанно повезло. От страха, что он сейчас шмякнется на асфальт, я притворялась равнодушной взбалмошной дурочкой, требовала у него мелочь и зажигалку и настаивала, что если он решил прыгать, то я совсем не против, потому как мне интересней разглядывать небо. А потом потребовала самому себе ответить на вопрос о том, что ему на самом деле надо.

– А он?

– А он изобразил из себя гидравлический пресс. Вот именно поэтому у меня ребра и болят...

– Знаешь, – Вольф мелко качает головой с неуверенным выражением лица, – меня искренне потрясает твоя удачливость... Перегни ты хоть чуть-чуть, и мы бы имели свежий труп...

– Представь себе, я догадываюсь... Ладно, ты явно пришел сюда, чтобы поговорить не об этом. Я тебя слушаю.

Вольф снова усаживается на диван, поставив перед собой полупустую чашку, и привычным жестом пристраивает подбородок на сцепленных кистях рук.

– Вчера ты сказала, что поставить «Z3X84» на коммерческую основу плохая идея. И что у тебя не все так хорошо, как я думаю. И я даже не знаю, что из этого мне больше хотелось бы обсудить в первую очередь.

Вздыхаю... Баухоффер – мужик неглупый. В своей сфере... Но вот то, что я сейчас буду говорить, ему явно не понравится.

– Знаешь такое понятие как время-деньги? – закрываю глаза и откидываюсь назад, легонько стучаясь головой о подвесной кухонный шкафчик.

– Ну ты совсем меня за дурака не держи... – его голос сквозит мягким пренебрежением.

– А я не о почасовой оплате за работу говорю. Дело в том, что коммерческие проекты должны быть не только уникальными. Вернее, уникальными им быть вообще необязательно. Но они должны поставлять определенный объем оборота, чтобы окупать себя. И вот тут как раз и начинается история под названием время-деньги. Чем больше времени вылетает на осуществление действий, тем меньше шансов себя окупить.

– И?

– А дальше, мой гений, включай свою драгоценную голову, откуда этот излишек времени будет выкидываться?

– Ну... – судя по тому, как он это тянет, здравых идей у него нет.

– Первых тестеров, т.е. нас вы отбирали полгода. Гоняли как разносчиков суперинфекции на всевозможные обследования... А вот второе поколение тестеров, что сейчас сидит в искусственном обществе, подготовку к погружению прошло уже за 4 месяца.

– Правильно. На вас программу обкатали, поняли, что нужно знать, и...

– И следующих вы запустите уже через два месяца, так? А потом? Не обследуя. На тестах однодневных, вроде, норму показали, да и ладно, и так сойдет?

– Не преувеличивай...

– Вольф... На первом эксперименте вы из трехсот человек, подавших заявки, отсеяли 200. Т.е. две трети... – лениво смотрю на свои ноги из-под прикрытых век, – а вот на втором из 412 добровольцев вы сколько пропустили?

– Двести пятьдесят...

– т.е. примерно... – мысленно составляю уравнение, – ну где-то в районе шестидесяти процентов...

Достаю из сахарницы кусок рафинада и отправляю его за щеку.

– Люди не становятся адекватнее, Вольф. Ты сам это знаешь. Причем, даже лучше меня. Да, возможно, вторая группа собралась с чуть меньшей степенью перекипания мозгов, но не на тридцать же процентов. А это значит, что сейчас у вас там могли оказаться люди не готовые к такому эксперименту. Мозг – тонкий механизм. И настраивать его мы пока не умеем, а вот ломать – запросто. И чем сильнее вы будете сокращать время отбора, тем больше таких вот ходячих сломанных в неизвестных местах сюрпризов породите...

– Ну не факт...

– Уверен? – я вижу, как он прикусил губу и наморщил лоб.

– Хотя, конечно, вероятность такая есть... – нехотя произносит он примерно через минуту, – но мы будем следить за ними потом, как и за вами, и если будут отклонения от нормы...

– Норма – понятие растяжимое, и мы к этому еще вернемся... – я понимаю, что он так или иначе созрел для второй горькой пилюли... – Вторая вещь, которая меня настраивает против коммерции в области мозга: ты ничего не знаешь о мотивах вашего спонсора.

– Я же говорил, программа отдыха для сотрудников... – он растерянно моргает, глядя на меня как на человека, разбивающего все его мечты.

– Бред... никто не отправляет офисного работника в отпуск почти на 2 года. Причем еще неизвестно, каким он вернется с этого отдыха... Может он будет неспособен больше работать.

– Благотворительность?

– Уже лучше вариант, но все равно доверия не вызывает... Тебе надо разузнать, что он за человек и что им движет...

– Он знакомый Мары, – вяло реагирует Вольф.

– В данном случае вообще не аргумент. Он делец. И для него должна быть прямая выгода.

Мы молчим. Время тянется как жвачка, и я невольно прислушиваюсь к возможным звукам из спальни. Но ничего не слышу.

– Мне жаль, что приходится говорить тебе все это Вольф. Но ты мой друг. И...

– Я знаю, Эрика... – он сутулится и потирает широкими ладонями лицо, – в вопросах бизнеса я безнадёжен....

– Неправда. Просто неопытен. Ты своего рода художник, и это круто... Ты создал хорошую вещь, несмотря ни на какие побочные эффекты...

– Вот кстати, о них... Ты говорила, что у тебя не все в порядке. И я хочу узнать в чем это выражается?

Меньше всего мне хочется сейчас говорить на эту тему. Да и вообще хоть кого-то посвящать в появившиеся после участия в эксперименте особенности... Но похоже придется, иначе Вольф рискует влезть в кабалу с непредсказуемым эффектом. А такого я и врагу не пожелаю...

Люк Вайс

Ноль...

Внутренний голос стихает на этом слове и глаза открываются сами собой. Словно какая-то программа завершила свои операции и начинается полная перезагрузка всех систем. Подушка, что я прижимаю к себе, пахнет защищенностью и травянистым покоем. Странно знакомый запах откликается на задворках сознания, и я поглубже зарываюсь носом в аромат.

Тело откликается странной усталостью, которая, впрочем, всегда со мной, когда умудряюсь заснуть прямо в одежде... Незнакомая комната вокруг не вызывает любопытства. Словно большинство эмоций еще не включились в сознание и не начали ощупывать мой череп изнутри...

Откуда-то слышатся голоса. Мужской и женский... Слов почти не разобрать, но вот сочувствующие интонации женского тембра кажутся мне ... И тут я вспоминаю вчерашний день...

Крыша, собирающаяся гроза и странная девушка, немилосердно пихающаяся локтями и вращая про свое равнодушие к моей судьбе. Я так и не спросил ее имени, хотя на слова «я тебя не отпущу...» в оглушающем грохоте разыгравшейся над нашими головами стихии мне хотелось орать: «Держи меня крепче!!! Я уже на краю, и мне страшно падать!!!» Слава богу, что я не произнес этого вслух. Ни тогда, ни после, добравшись сюда. Стыд заливает меня с головой... Такой слабости и безволия я от себя не ожидал даже в самых худших кошмарах... А главное, как теперь смотреть себе в глаза. Про нее я вообще молчу. Хотя ей-то, наверное, все равно, что я такая размазня... Но вот ...

– Я помню то, чего не было, – неожиданно голос моей новой знакомой звучит очень ясно, и я невольно прислушиваюсь к тому, что она говорит.

– В смысле? – озадаченный мужской голос сквозит недоверием, и мне это не нравится.

– Это... это похоже на сны о самой себе, которые никогда не снились. Там я другая... Или даже не так. Не другая, а будто предшествующая версия самой себя. Иногда это похоже на быстро пролистываемый комикс. Ворох неясных картинок. А иногда это целые дни или недели полные событий....

Повисает такая тишина, что я невольно слышу, как шепотом тикают часы у меня на запястье.

– Та-а-ак...

Недоверия явно прибавляется, и это заставляет меня сморщить нос и сжать губы. Кем бы эта чокнутая не была, хоть я даже не могу с точностью вспомнить ее лица, я понимаю, что почему-то верю ей безоговорочно.

– Эрика, а ты уверена, что это не отсроченный возврат памяти после эксперимента? Мы же не можем гарантировать, что ты после состояния «чистого листа» вспомнишь всю свою жизнь на 100%. В среднем воспоминания возвращаются к тому же уровню, который был на момент стирания. Мы не можем постоянно помнить каждый прожитый момент. Вполне вероятно, что ты просто начала вспоминать давно утерянные сведения и эмоции.

– Вольф... – она вздыхает устало, но без раздражения, – я проверяла. То, что я вспоминаю, в моей жизни никогда не происходило... Да и если бы происходило, я бы вряд ли забыла.

– Думаешь? Наша память знаешь ли...

– Ты сводил когда-нибудь татуировки? – перебивает усмешкой, но не торопливой, а несколько самодовольной...

– Ну было дело. У меня даже шрам остался маленький. Набил по молодости паука на руке, а что?

– А то, что если бы я сводила со своего предплечья татуировку длиной 25 и шириной почти 4 сантиметра, должны были бы остаться следы. А их нет. Да и те, кто меня знают с детского возраста подтверждают, что никаких наколок у меня никогда не было.

– Воспоминания одни и те же всегда?

– Нет всегда разные....

Молчание затягивается. И мне хочется встать и одновременно с этим я понимаю, что у меня просто нет сил шевелиться.

– Давай вот что сделаем, – наконец медленно произносит Вольф, – ты подробно опишешь мне все свои ложные воспоминания и пришлешь. Я почитаю и заодно решим, что делать.

– Ладно.

– Хорошо, тогда я пошел, у меня сегодня на отчет должен очередной тестер прийти...

– Вольф, что думаешь насчет Принса?

Голоса приближаются, и я слышу какую-то возню в коридоре.

– Я поговорю с Марой. Она должна его знать лучше. Может что-то интересное скажет...

– Неплохая идея для начала. Пока, Вольф.

– До встречи. И не теряй больше жилетку...

Хлопает входная дверь, и я вздрагиваю всем телом. Неприятный звук. Шаги раздаются совсем рядом и матрас прогибается под севшей на край кровати у меня в ногах Эрикой.

– Ну ты как? – она кладет руку мне на ступню, и я скашиваю на нее глаза.

– Нормально... – язык ворочается медленно и неохотно.

– Понятно... – она кивает сама себе. И я борюсь с желанием снова закрыть глаза, – Ладно, поднимайся, у нас полно дел сегодня.

– Я не хочу... – отворачиваюсь от ее лица, что кажется мне пустым пятном, – у меня сил нет.

– Я не спрашиваю тебя хочешь ты или нет. Так что давай в темпе.

– Отстань... – просительные интонации меня просто убивают, но я и правда не могу заставить себя встать.

– Как тебя зовут? – ее голос смягчается, и от этого я чувствую себя еще хуже.

– Люк... – буркаю я, мечтая провалиться сквозь землю.

– А я Эрика.

– Я слышал...

– Отлично, – она смотрит в окно и почесывает голую коленку, – слушай, Люк, я, конечно, не спец, но, по-моему, вчера ты выбрал жизнь. Так?

– Да, но...

– Но тебе все равно сейчас отвратно, а сил и желания жить нет.

– Все непросто...

– О да... – она не смеется, и мне становится чуть спокойней, – насчет непросто я с тобой полностью согласна. Скажи, у тебя действительно очень веский повод, чтобы уйти?

Эрика меня не торопит. Расчесывает пятерней вздыбленные кудельки темных волос, посплюнув палец, стирает какое-то пятнышко с босой ступни, расправляет подол длинной цыплячьей не то майки, не то платья.... А я перебираю произошедшие ранее события, приведшие меня на крышу...

Потерю хорошей работы в другом городе. Уход девушки, которая мне нравилась, но которой оказалось важнее мое устойчивое положение на карьерной лестнице... Возвращение домой к семье, которая сказала мне, что из моей комнаты они уже сделали спортзал... И похороны лучшего друга, которого я любил, как, наверное, никого в этой жизни. Он ехал ко мне, чтобы поддержать, но у фуры на встрече отказали тормоза... Отказ в работе. Еще.. Еще... Еще... И снова... И найденная девушка – первая любовь, с которой прожили пять лет, до моего переезда по работе – смеющаяся над тем, что я похож на помойную крысу, и что она и близко

к себе такую дрянь не подпустит. Причитания родни на тему, что им хочется обратно свой спортзал. Попытка найти подработку. Провалилась, снова. Опять... и опять... И взяли, но не заплатили... и фраза «если не пойдешь работать на фирму дяди Курта тем, кем он скажет, можешь уходить из дома и идти куда хочешь» как контрольный выстрел в голову. У Курта я бы работать не смог. Под неусыпным контролем заниматься тем, в чем ни черта не разбираешься – это уже слишком...

– Нет... – наконец отвечаю я, и с трудом сажусь в постели, – просто все так навалилось...

– Знакомо... – не сразу отзывается она, явно думая о чем-то своем, – Люк, если ты не будешь шевелиться и позволишь всему этому продолжать на тебя давить, ты задохнешься.

– Ты так говоришь, потому что ты тестер?

– Нет, – ее улыбка мрачна, но наполнена энергией, – то что я тестер, не имеет никакого значения. Я не избавлялась от проблем или депрессии таким способом. Меня включили в эксперимент скорее из-за того, что Вольфу понравилась моя убойная честность и отсутствие надежд на панацею... Ему было интересно, что из меня может получиться.

– Ты оправдала его ожидания?

– Неа... Я их превзошла... – тихо фыркает она, – просто начала все сначала. Вообще с нуля. Другое имя, профессия, жизнь... Я изменила все.

– Повезло... А у меня ничего не осталось... Только разочарование во всем, что было... – рассматриваю собственные худые коленки, обтянутые джинсами.

– Это хорошо, что не осталось ничего....

– Почему?

На правой штанине у меня оказывается есть затяжка.

– Ты свободен. Во всех смыслах.

– Мне некуда пойти даже.

– Но сюда-то ты как-то пришел... – она окидывает взглядом комнату так, будто видит ее впервые.

– Предлагаешь мне остаться?

– Нет. Только решать самому, где ты хочешь быть и что тебе делать для того, чтобы это стало возможным.

Она поднимается на ноги и берет с подоконника пачку сигарет.

– Но пока ты решать такие глобальные вопросы явно не в состоянии, я предлагаю тебе кое-что интересное...

Вопросительно приподнимаю бровь.

– Я помогу тебе растормошиться, пока буду решать свои дела. Только не надейся, что я стану тебя содержать. У меня такой возможности нет. А дальше ты сам себя найдешь. Думать будешь? – она протягивает мне подкуренную сигарету и распаивает окно.

– А если у меня не получится? – затягиваюсь и забираю у нее протянутую пепельницу.

– У тебя всегда остается вариант с клубничным желе, – легко отмахивается она, ежась от порыва ветра.

– Фу... – давлюсь сигаретным дымом и ломаю сигарету в пепельнице, – так куда мы должны идти?

– Сначала завтракать к моему знакомому Майлзу, а потом в супермаркет. За бутылкой водки и килограммом мармеладных червячков.

Наверное, у меня очень красноречивое лицо, раз она хохочет так громко, что раскачивается из стороны в сторону....

Мы спустились по темному подъезду с грязными окнами вниз на шумную улицу и зашли в кофейню на другой стороне улицы.

– Привет, Майлз, – Эрика бодро проходит внутрь и шлепает скрюченного бариста по плечу, – покормишь нас?

– Я могу отказаться? – интересуется Майлз, поворачиваясь к нам, по-совиному выпучивая глаза.

– Теоретически да.. Но практически тебе невыгодно меня терять... – скалится Эрика, поправляя ему галстук-бабочку в бело-красный горошек.

– Это верно, – Майлз задирает нос, сканируя меня неприятными выкаченными глазами, – кстати, о выгоде, твой залог почти исчерпан.

– На сегодня нам хватит?

– Ну-у-у...

– Держи, вымогатель... – она сует в его цепкую костистую ладошку крупную мятую купюру, – и сделай нам с собой.

– Хорошо, Принцесса, – Майлз проверяет купюру на свет и делает какую-то пометку в оторванном листке блокнота, припиленном к стене рядом с большой кофе-машиной, – а принц-то твой вообще разговаривает? Может он чего-то особенного хочет?

– Я не принц, – этот парень мне не очень приятен.

– Не обращай на него внимания, Люк, – Эрика сосредоточенно копается в стареньком потрепанном на сгибах кошельке. – Майлз терпеть не может утро. И до часу дня он не человек, а унылое...

– Я щас плюну в твой кофе... – предупреждает скособоченный бариста, доставая что-то из холодильника и отправляя это в микроволновку.

– Ну видишь, я ж говорила... – она кидает на меня мимолетный взгляд и подпихивает мне стул, – садись, не стой...

Невольно опускаюсь на сиденье и зажимаю ладони между коленями. Уютная кофейня щерится на меня колючими взглядами хмурого Майлза. И мне хочется обратно в комнату Эрики, обнять подушку и закрыть глаза.

– Большие планы на сегодня? – бариста включает кофе-машину. И достает из пластикового вертикального короба бумажные стаканчики.

– Типа того... – Эрика прячет кошелек в сумку и достает телефон, принимаясь что-то печатать, – нужно помочь другу.

– Этому? – Майлз кивает на меня.

Эрика отвечает ему слащавой ничего не значащей улыбкой, а меня посещает странная мысль, что, возможно, бариста просто ее ревнует.

– У тебя сейчас сэндвичи перегреются, – мурлычет она. И я про себя отмечаю, что она умудряется отвечать только на нравящиеся ей вопросы. Но при этом все остаются этим довольны.

Дени Курт

Три больших плазменных монитора мерцают перед глазами, и я прикрываю их. Устал. Откидываюсь на спинку офисного кресла и задеваю тугим выпяченным животом край стола. Раздраженно кошусь на улыбку растянутого пупка в окошке между пуговиц темной рубашки. Стоящая рядом с мышкой чашка призывно пахнет кофе. Надо сходить еще себе налить. Но это нужно вставать, идти на кухню по извилистым коридорам... Ну нафиг, Алекс вернется из юридического отдела и принесет.

На правом мониторе мигает окошко предупреждения, и я щелкаю мышкой, разворачивая его, кисло усмехаюсь. Менеджеры из отдела по работе с ВИПами опять залезли на сайт с порнухой. Перехожу в окошко месседжера и пишу сообщение еще одной своей помощнице – Тилле, чтобы она, когда закончит настраивать телефон у новенькой девочки-секретарши нашего коммерческого, шла бы к ВИПам и запускала бы антивирусник, мной разработанный. Все равно минут через десять у них там все накроется медным тазом. Тилла отвечает мне ворохом улыбочек, подмигивающих мордочек и сердечек. Смотрю на эту розовую какофонию символов и в очередной раз убеждаюсь, что от увольнения из моего IT-отдела ее спасает только феноменальная неконфликтность и наличие хоть каких-то мозгов, позволяющих ей справляться с настройками телефонов и созданием учетных записей для вновь прибывших оборотов... Ну и сиськи пятого размера, будем откровенны.

Дверь в наше царство проводов, процессоров, серверов и прочей аппаратуры распаивается пинком, и в узком проходе появляется Алекс, тащащий на плече стремянку. Его синие волосы стоят дыбом, в ушах мерцают гвоздики с черными камушками, черная майка с черепом болтается на цыплячем торсе, а ноги чуть косолапо загребают при ходьбе.

– А...

– Кабель под навесным потолком барахлит, – отвечает он на мой невысказанный вопрос, шмыгая носом и сильно картавя, – как думаешь, крысы?

– Скорее, когда светильники в потолок новые монтировали, зацепили, – отвечаю я, наблюдая за тем, как он бочком пробирается к стеллажу с кучей модемов. Алекс, крякая, поднимает стремянку и ставит ее на приступку, фиксируя специальным крюком.

– Что там у юристов такое срочное было, что они мне криком чуть барабанную перепонку не выбили? – окидываю взглядом свои мониторы. На кухне генеральный директор тырит чей-то йогурт из большого холодильника. Делает пару глотков и ставит бутылку на место...

– В соцсети выйти не смогли, маленькие. Вот и изволили гневаться... – фыркает Алекс, устраиваясь за своим рабочим столом с двумя мониторами и кучей разнокалиберных кактусов около них. Кактусы он раз в неделю любовно поливает из старого заварочного чайника, приспособленного с помощью ситечка под лейку с капельным поливом.

– А ничего, что в рабочее время сидеть в них запрещено? – снова кошусь на чашку и вдруг решаю, что с кофе можно и подождать.

– Они юристы, им все, видимо, можно, – он равнодушно пожимает плечами, – а где, кстати, остальные?

– Георг и Вилли уехали за картриджами новыми. Карл заболел. Люси на конференции, защищает свою разработку для экстренного сохранения файлов при апокалипсисе... Так что, не считая Тиллы, мы с тобой сегодня здесь одни...

– Надо же как романтично... – Алекс насмешливо дергает носом. – А не закрыть ли нам дверь и не придаться ли увеселению и утехам, м?

– Отличная мысль, – шерюсь я, предвкушая ежедневное развлечение, – только боюсь, вернувшаяся Тилла снова начнет нудеть, что подслушивать разговоры сотрудников неэтично...

– Так уволь ее... – он делает какую-то пометку на стикере и клеит его на свой любимый кактус. Будто обметанный паутиной, – все равно от нее пользы – мизер, а претензий – вагон... Начальник ты, в конце концов, или как?

– Нее, увольнять ее невыгодно... Как только она появилась, мужская часть отдела начала чаще ходить на работу, а не прикидываться хворыми якобы от некачественных пельмешек, а Люси, наконец-то, сменила свои жуткие бифокальные очки на линзы.

– Люси и в очках красавица... – буркает он, а я в который раз убеждаюсь, что у Алекса уж очень специфические понятия о прекрасном. Неожиданно замечаю, что его лицо удивленно вытягивается. – Слушай, там Ванесса.

– Кто?

– Майер Ванесса пришла... – он тыкает пальцем в свой экран, и я перевожу взгляд на квадрат, в котором виден ресепшен. И точно. Возле стойки стоит наша бывшая сотрудница, с которой я когда-то крепко дружил, Ванесса. Вернее, уже теперь Эрика Майер. Рядом с ней топчется, неуверенно озираясь, русоволосый парень лет 28-30. Не задумываясь, выбираю это видео и включаю звук. И по интонациям сидящей на ресепшене Джулс (в кулуарах фирмы получившей прозвище цепной собаки) я понимаю, что видеть свою бывшую коллегу та совсем не рада...

– Ну и чего ты приперлась сюда, а? – презрение столь явно звучит в ее голосе, что мне невольно хочется помыть уши, а еще и протереть монитор дезинфицирующими салфетками, – думаешь погуляла 4 года, а тебя тут все ждут, как манну небесную?

– Да боже упаси... – откровенно веселится Эрика, облакачиваясь на стойку и подтягивая своего спутника за рукав к себе поближе, – меня ждать вообще дело ненадежное и бесполезное....

– Тогда что ты тут делаешь?

– В гости пришла.

– Да ага, конечно... Небось вынюхиваешь что-то...

– Джулс, не слетай с катушек, я обычный картограф. Я половину рабочего времени отмечаю изменения ландшафта и вношу корректировки в карты и общие базы данных, а вторую половину – сижу в лесу или в болоте, ну или там, куда институт пошлет, и собираю данные миллионом интересных способов, подкармливая местных насекомых своей кровушкой... Мне до вашего промышленного шпионажа и прочих неврозов дела нет...

– Ну-ну... – Джулс поджимает пухлые губы и меряет бывшую подругу таким уничижительным взглядом, что мне в кои-то веки хочется встать с кресла, дойти до ресепшена 10 коридоров и треснуть ее белобрысой башкой о стол.

– Ладно тебе дуться... – Эрика с незнакомо гадкой усмешкой достает из сумки-котомки бутылку водки и ставит ее на стойку перед администратором, – я тебе подарок принесла...

– Я такую отраву пить не буду, – врет Джулс нервно облизывая губы и явно сглатывая, – ты б еще мне технический спирт принесла. И вообще шла бы ты отсюда, пока я охрану не вызвала...

– Слышь, Джулс, – Эрика наклоняется к ней, понижая голос до шепота, и я резко выкручиваю звук на максимум, – ты рот-то свой прикрой, и пропуск нам с Люком выпиши, чтобы мы могли пройти к вашему всевидящему человеку пауку, а то я мигом всем тут расскажу, что ты делала в тот злосчастный новый год, после которого тебя назначили моей начальницей. Хотя ты тут была без году неделю и в словосочетаниях «бизнес-план» и «квартальный отчет» делала больше пяти ошибок.

Открываю месседжер Джулс и пишу ей туда «а я предоставлю видео- подтверждение. С любовью, Всевидящий спайдермен». И отправляю под сдержанное хрюканье Алекса, который наблюдает происходящее у меня из-за плеча.

На экране видно, как Джулс, прочитав сообщение, краснеет до корней ухоженных до отвращения волос и дрожащими руками берет чистый бланк посетителя.

– Спасибо, солнышко... – щерится в улыбке Эрика и, подмигнув своему явно обалдевшему приятелю, разворачивается в сторону коридора, ведущего в мой кабинет кратчайшим путем, – а бутылочку ты себе все же возьми... Пригодится душевные раны протирать после общения со мной...

– Сучка! – выплевывает ей в спину Джулс, нервно хватая бутылку и пряча ее под свой стол. В ответ Эрика, не оборачиваясь, показывает ей фак.

– Слушай, я, конечно, Ванессу... ну или теперь уже Эрику знал мало, всего-то месяца четыре и то скорее шапочно, – Алекс почесывает свою синюю голову, – но ей эта прога явно пошла на пользу...

– Поживем – увидим... – отвечаю я, невольно ловя себя на том, что пытаюсь хоть немного втянуть свой надутый оплывший живот. Но получается только какое-то кряхтение, от которого пуп еще больше высовывается в просвет между пуговицами рубахи, и я с трудом натягиваю ее пониже, – слушай, сделай мне одолжение, иди погуляй где-нибудь часок...

– Так не честно, я тоже хочу с ней пообщаться, – обиженно тянет Алекс, при этом выуживая из шкафа куртку и проверяя свою электронную сигарету в кармане.

– Обещаю устроить посиделки с ней за свой счет и пригласить не только тебя, но и всю компанию, которой мы тогда общались. Идет?

– Договорились, – сияет Алекс и исчезает в запасном выходе на черную лестницу, который мы сами сделали, когда поселились в этом кабинете. И вовремя, потому что через 15 секунд дверь распаивается и на пороге появляется Эрика с так называемым Люком, который, увидев наш непроходимый кавардак, состоящий из телефонов, проводов, компьютеров и разнокалиберных деталей ко всему этому, явно несколько расслабляется и перестает шмыгать серыми глазищами как испуганный таракан.

– Привет, человек-паук, – Эрика весело машет рукой, спотыкаясь о провод, на что Люк мгновенно реагирует, удерживая ее за предплечье, – ой, мама, кошмар, у вас тут ничего не меняется. Спасибо, Люк.

Она задорно смеется и подходит ко мне, с трудом поднимающемуся с кресла, и позволяет себя прижать к моему необъятному пузу.

– Привет, чудище лесное... – мои пальцы едва касаются ее пружинчатых волос. И я тут же отпускаю ее от себя. Она по привычке запрыгивает на край моего стола, а приятель Эрики, оглядевшись, пристраивается на колченогий, хоть и крепкий табурет. – какими судьбами к нам?

– У меня к тебе дело на килограмм желатиновых червячков, – серьезно заявляет она.

– Даже так? – заинтересованно подаюсь вперед, чувствуя, что пуговицы еле держатся, да и ремень немилосердно впивается в мой живот. – Ну давай... Жги...

– Август Принс. Тебе это имя о чем-нибудь говорит?

– Хм... Принс... банкир... Ну есть такой у нас среди тех, с кем мы сотрудничаем... а что?

– Он тут бывает?

– Редко... Но иногда заезжает к нашему генеральному, посидеть с рюмочкой чего-нибудь покрепче...

– Мне нужна информация. О нем... – обычно пустые глаза Эрики неожиданно будто вцепляются в меня ржавыми крючьями и тянут к тебе поближе, чтобы рассмотреть.

– Какого рода?

– Все что нароете... И не стесняйтесь лезть в самую грязь. Мне нужно понимать, что это за человек во всех его проявлениях...

– Эм... Он тебе что-то сделал? – осторожно интересуюсь я, чувствуя, как от ее внимания ко мне у меня потеют ладони.

– Нет. Но он может сделать моему хорошему другу. Дени, ну ты же уникам, придумай что-нибудь. Мне надо знать, можно ли с ним иметь дело или лучше сразу бежать, как от огня.

– Да придумать-то – дело нехитрое... – вздыхаю я, скреживая руки на груди, – правда это все будет незаконно, и, в случае чего, мы тут все можем попасть в офигенные проблемы с работодателями и полицией.

Вместо ответа она молча открывает сумку и шлепает на мой стол большой пакет, наполненный моими любимыми свежими желатиновыми червячками...

– Здесь ровно килограмм, – она развязывает пакет, и от их аромата у меня текут слюни, – нароешь мне интересненькое на Принса, и я куплю тебе еще два.

– И банку хорошего кофе для Алекса. Он мне будет помогать.

– По рукам... – она подставляет мне свою детскую ладошку, и я стараюсь шлепнуть своей как можно мягче. Такое сокровище, не скупящееся на желатиновых червячков в промышленных масштабах, однозначно надо беречь...

Август Принс

– Пусси, ты меня любишь? – капризный голосок Деборы заставляет поморщиться и запить ее визгливые ноты слов шампанским. От шипучей жидкости настроение тут же улучшается, и я окидываю молоденькую девчонку, крутящуюся у зеркала, оценивающим взглядом. Хороша, как куколка... и настолько же тупа... впрочем, какой ей еще быть-то в 19 лет. Платиновые крупные кудри подняты в высокую прическу, прозрачный от кружев крохотный халатик едва держится на сочном пять раз перекроенном теле. Мой предшественник неслабо в нее вложился.

– Сколько? – смотрю девушку сквозь бокал на просвет. Пузырьки будто отскакивают от тела Деборы, будто крошечные фейверки.

– Десять... – пухлые губы растягиваются в сладкой улыбке, демонстрируя мелкие как речной жемчуг зубки.

– Возьми пятнадцать... – киваю на шкатулку на резном столе красного дерева, – съезди в город, погуляй с подружками... Главное, не появляйся здесь до восьми вечера, поняла меня, Киска?

– Пусси, но я... – она растерянно хлопает щеточками длинных ресниц, но, заметив, как я поджимаю губы, мигом понимает, что спорить себе дороже, – хорошо, Пуссичка, я поеду. Хочешь, я куплю тебе подарочек?

– Все что хочешь, Киска. У тебя есть двадцать минут на сборы. Не успеешь – пойдешь, как есть...

Дебора быстро кивает и скрывается в ванной, прихватив с собой пару вешалок с нарядами. Смотрю на экран телефона. На нем сообщение от заночевавшей в моем загородном клубе Мары, говорящее о том, что она поплавает в бассейне, примет сеанс массажа и появится у меня в 11.30, на моих часах 10.50. Зная Мару, которая просто не умеет опаздывать, у меня как раз будет время обдумать все до ее прихода. А пока я могу спокойно допить шампанское, заказать нам с Марой завтрак, и...

– Пуссичка, я все...

Из ванной выпархивает Дебора в крошечном сияющем стразами платье, подбегает к шкатулке с деньгами, демонстративно отсчитывает пятнадцать тысяч и ловким движением прячет под широкий округлый браслет на запястье еще пять, целует меня в щеку липкими от блеска губами и исчезает за дверью с космической скоростью, шмякнув крохотной сумочкой о дверной косяк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.